

РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций

Н.И. ЛАПИН

2000-й год воспринимается как хронологический рубеж летосчисления. Но в историческом отношении рубежность этой даты не столь однозначна: в чем-то перелом, а в чем-то связь, продолжение начатого. Неоднозначна она и для России. Под руководством автора статьи с 1990 г. осуществляется эмпирико-теоретический мониторинг социокультурной трансформации российского общества: по сопоставимой методике с интервалом в четыре года (1990—1994—1998 гг.) проводятся комплексные всероссийские исследования. Первые результаты этого мониторинга изложены в статье: Лапин Н.И. Тяжкие годы России: перелом истории, кризис, ценности, перспективы // Мир России. 1992. № 1. Затем под его редакцией вышли книги «Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях» (М., 1994) и «Динамика ценностей населения реформируемой России» (М., 1996). Недавно опубликована его обобщающая монография «Пути России: социокультурные трансформации» (М., 2000). В предлагаемой Вашему вниманию статье автор резюмирует свою позицию по исследуемым вопросам. Он предлагает концепцию социокультурных трансформаций российского общества и приходит к выводу, что динамика нашего кризисного социума на рубеже XX—XXI вв. служит формой перехода к завершению ранней либерализации, начавшейся еще в середине XIX столетия и прерванной рецидивами традиционализма.

Введение

В истории бывают периоды, когда перемены в жизни социума проходят с такой интенсивностью, что ставится под вопрос бытие государств, этносов, цивилизаций. Обычно такие изменения сопряжены с внешними воздействиями: природными катастрофами или войнами. Так исчезли легендарная Атлантида, Карфаген, Помпея, древние и новые империи. В XX в. мировые войны дважды ставили под вопрос самостоятельное существование многих государств Европы, в том числе Германии, Франции, России. Балансирование на грани бытия побуждало мыслителей сомневаться в оправданности бытия вообще. Не случайно именно в названных странах возникли и получили значительное влияние

основные направления экзистенциализма - философского учения о существовании человека, бытие в целом*.

В конце XX в. Россия вновь вступила в эпоху крутых перемен. Стал очевиден факт всеобъемлющего кризиса советского, а с ним и российского общества. В конце 80-х годов он рос лавинообразно, так что к 1991 г. не осталось ни одной сферы общественной жизни, в которой не наблюдалось бы его разрушительное действие. Это социокультурный кризис, поскольку он включает и социальные отношения, и культуру, и их взаимодействие.

Но дело не столько в масштабах кризиса, сколько в его характере. Социалистическое общество, в отличие от буржуазного, не выработало механизмы саморазрешения системного социокультурного кризиса. Поэтому различные попытки разрешить кризис обнаружили его высокую устойчивость, наличие скрытого механизма самовоспроизводства. На каждое действие по его преодолению возникало нейтрализующее противодействие, создававшее очередную тупиковую ситуацию. Переживаемое российским обществом состояние как бы заключает в себе порок заколдованного круга. На фоне нормального саморазрешения большинства общественных кризисов российский выступает как патологический.

Общество, которое оказалось в состоянии патологического социокультурного кризиса, представляет собой *кризисный социум*. Здесь вольготно распоряжаются ресурсами прагматичные управленцы, корыстные действия которых влекут социум к новым тупикам. Нигилистическое отношение людей к столь негативной форме своего бытия охватило широчайшие слои населения. Оно воспроизводится и усиливается под воздействием средств массовой информации, для которых свобода негативных сенсаций стала желанным пространством бытия. Длительное время остается неясным, какая именно система может прийти на смену прежней, каковы способы ее становления.

Возможен ли вообще выход из патологического кризиса общества? При каких условиях негативное бытие может трансформироваться в нечто позитивное, стать формой возникновения иной социокультурной системы? Проблема выявления возможностей и способов самотрансформации кризисного социума приобрела первостепенное значение, стала предметом острых общественно-политических и научных дискуссий.

Эти дискуссии вряд ли закончатся ранее решения самой проблемы. С каждым годом специалисты гуманитарных и социально-экономических дисциплин вовлекают в анализ новые эмпирические данные, используют взаимодополняющие теоретико-методологические подходы. Полученные результаты формируют обще-

---

* Так, в представлении героев романов Ж.П. Сартра (таких, как «Тошнота») не только ситуация фашистской оккупации, но бытие как таковое является абсолютным злом, становится предметом ненависти и отвращения, достойным лишь революционного разрушения. При этом свобода революционера, по сути, не отличается от субъективного произвола и не позволяет преодолеть универсальность абсурда. По Н.А. Бердяеву, объективированная реальность поработачивает человека, и противостоит ей лишь свобода как отсутствие какого бы то ни было ограничения, как мое созидание добра и зла. Аналогичные постановки проблемы обнаруживаются у предтеч экзистенциализма С. Киркегора и Ф.М. Достоевского, в современном движении к трансцендентному через разработку проблемы коммуникации, в феноменологии М. Хайдеггера и герменевтике Г. Гадамера. Онтологический нигилизм предстает как один из духовных истоков радикального утопизма.

Кризисный социум...

ственное мнение и влияют на принятие решений государственными органами. Наиболее продуктивными оказываются исследования, сочетающие теоретические подходы с прикладными разработками на основе конкретных данных.

Автор данной статьи работает в этой области со второй половины 80-х годов, когда им был сделан вывод о наличии «общего кризиса раннего социализма» как следствия тотального отчуждения человека [1]. Для изучения этого феномена была разработана и реализована Программа мониторинговых всероссийских исследований «Наши ценности и интересы сегодня». Программа была ориентирована на выяснение динамики базовых ценностей населения и его социальной структуры как взаимосвязанных факторов трансформации кризисно-реформируемого общества. Какова социальная функция динамики ценностей? Меняются ли ценности вслед за переменами в социальной структуре или опережают эти перемены, служат их аттракторами?

По сопоставимой методике с интервалом в четыре года были проведены три репрезентативных обследования (полуторачасовые интервью в домашних условиях) - в 1990, 1994, 1998 гг. Создана база данных, включающая информацию, зафиксированную в 4100 полевых документах. Анализ данных позволил сформировать концепцию социокультурных трансформаций российского общества.

Методология исследования социокультурных трансформаций

Проблему трансформации кризисного социума можно изучать, используя различные теоретико-методологические подходы: классические и постклассические (альтернативные). К классическим принято относить цивилизационный, формационный, социокультурный, структурно-функциональный подходы. Так, К. Маркс провидел три ступени цивилизационного развития: от личной зависимости к личной независимости (при сохранении вещной зависимости), а далее - к свободной индивидуальности универсально развитого человека. Вместе с тем, обращаясь к материальным детерминантам исторических процессов, К. Маркс обосновал формационную триаду: от общей собственности через частную к общественной собственности. Э. Дюркгейм связывал эволюцию характера общественных связей - от механической солидарности к органической - с развитием общественного разделения труда. М. Вебер усматривал основную тенденцию социокультурной эволюции в рационализации социальных действий людей, организаций, институтов. П. Сорокин отрицал существование общей направленности и обосновывал цикличность социокультурной динамики. Т. Парсонс видел в структурных изменениях обществ прогрессивную эволюцию к более высоким системным уровням.

В отличие от классических, постклассические подходы понимают под социальными структурами мягкие социокультурные поля. Взаимодействуя, люди прорываются через границы существующих структур-полей и формируют новые поля-структуры, тем самым они определяют свою историю.

На мой взгляд, при анализе трансформации кризисного социума наиболее продуктивен *социокультурный подход*, в рамках которого общество понимается как единство культуры и социальности, образуемых и преобразуемых дея-

тельностью человека. Наиболее отчетливо суть этого подхода выразил П. Сорокин в фундаментальной работе «Общество, культура и личность: их структуры и динамика» (1947 г.). Проведя строгий анализ родовой структуры социокультурных явлений, он подводит итог в емкой формуле: «Личность, общество и культура как неразрывная триада». И поясняет: «Структура социокультурного взаимодействия ... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения... Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» [2, с. 218].

Опираясь на этот фундаментальный синтез, будем понимать под культурой совокупность способов и результатов деятельности человека (материальных и духовных: идеи, ценности, нормы, образцы и др.), а под социальностью - совокупность отношений человека или иного социального субъекта с другими субъектами, отношений экономических, социальных, идеологических и политических.

Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три фундаментальных измерения человеческого бытия: человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности. Каждый блок этой триады не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей.

Социокультурный подход связывает цивилизационный и формационный подходы в единое целое. Если цивилизационный подход схватывает устойчивые компоненты человеческой истории (антропологические, этнические, культурные), а формационный подход концентрирует внимание на изменчивых (социальных, личностных) структурах, то социокультурный подход выясняет соотношение устойчивого и изменчивого (личности и общества, культуры и социальности). Вместе с тем, социокультурный подход совместим со структурно-функциональным анализом. И П. Сорокин и Т. Парсонс исходят из понимания человека как активного субъекта действия, хотя один делает акцент на взаимодействии как родовой модели социокультурных явлений, тогда как другой - на структуре и функциях действия отдельного субъекта. Структурный функционализм включает культуру как одну из важнейших структур (правда, ее функции более локальны), а социокультурный подход предполагает анализ функций и структур; соответственно оба они выступают как конкретные формы системного подхода. Но при этом социокультурный подход является более общим, и в этом смысле он ближе системному подходу, а структурный функционализм - системному анализу, поскольку ориентирован на четкую дифференциацию и измерение функций и структур изучаемых объектов.

В отличие от структурного функционализма, социокультурный подход не имеет принципиальных затруднений с учетом и интерпретацией изменений изучаемых объектов. Можно сказать, он изначально включает принцип изменений: социокультурная динамика по праву считается центральной темой в творчестве П. Сорокина; правда, она обрела у него форму цикличности, исключая универсальность прогресса. В ответ на критические замечания Т. Парсонс предпри-

Кризисный социум...

нял небезуспешную попытку адаптировать структурный функционализм к интерпретации эволюционных трансформаций различных обществ.

Важное значение для понимания социокультурной эволюции имеет теория самоорганизации (синергетика). Она уделяет особое внимание согласованности процессов самоорганизации в сложных системах различной природы, в том числе социокультурных. Синергетика помогает описывать и объяснять процессы функционирования и трансформации кризисного социума, в том числе выбор траектории трансформируемого объекта, перехода его с одной орбиты эволюции на принципиально иную. Способность социокультурных систем «выбирать» свои орбиты, правила этого выбора требуют тщательных исследований.

Вышеизложенное позволяет рассматривать социокультурный подход как определенный уровень конкретизации принципа универсального эволюционизма. «Универсальный эволюционизм как раз и представляет собой соединение идеи эволюции с идеями системного подхода. В этом отношении универсальный эволюционизм не только распространяет развитие на все сферы бытия (устанавливая универсальную связь между неживой, живой и социальной материей), но преодолевает ограниченность феноменологического описания развития, связывая такое описание с идеями и методами системного анализа» [3, с. 645].

Социокультурный подход конкретизируется в виде нескольких принципов, делающих акцент на обществе как целостной социокультурной системе с присущей ей логикой социокультурной трансформации:

- *Принцип взаимопроникновения культуры и социальности* постулирует наличие этих двух измерений в любой человеческой общности, постоянную их взаимосвязь и взаимовлияние. При этом культура и социальность не сводятся к друг другу и одно не выводится из другого.

- *Принцип человека активного (homo activus)* акцентирует внимание на элементах структуры личности как субъекта действия. При этом действие субъекта является компонентом взаимодействия с другими субъектами, имеет значение для них и выполняет определенные функции по отношению ко всем субъектам взаимодействия.

- *Принцип противоречивости человека* как многомерного, био-социо-культурного существа. Противоречивость проявляется в несоответствии действий, взаимодействий и их результатов.

- *Принцип антропосоциетального соответствия* означает совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как члена данного общества и социетальных характеристик этого общества (как единства культуры и социальности). Известны два основных способа достижения такой совместимости и, соответственно, два типа общества: в «традиционалистском обществе» характеристики человека должны соответствовать сложившимся социетальным структурам, которые ограничивают или закрывают пространство для нарушающих традиции (принцип закрытости); в «либеральном или современном обществе» приоритет отдается свободам и ответственности людей, которые стремятся так изменить сложившиеся структуры, чтобы они соответствовали возросшим потребностям и способностям индивидов и их коллективов, открывали пространство для целерациональных инноваций (принцип открытости).

- *Принцип социокультурного баланса* означает динамическое равновесие между культурными и социальными компонентами как условие устойчивости общества; иными словами, функции, структуры и процессы общества обеспечива-

ют балансируемое удовлетворение противоречивых потребностей, ценностей, интересов субъектов деятельности, входящих в это общество. Допустимо удаление от точки равновесия, превышающее критические значения.

• *Принцип симметрии и взаимобратимости социетальных процессов* означает, что каждому процессу, воплощающему динамику общества как целостной системы и имеющему определенную направленность, соответствует противоположно направленный (симметричный, парный) процесс, а при переходе процесса из одной стадии в другую он может превращаться в свою противоположность (интеграция - в дезинтеграцию и обратно). Эта попарность процессов имеет функциональную природу: одни из парных процессов обеспечивают воспроизводство соответствующих структур, а другие - их изменение.

Используя эти методологические предпосылки, обратимся к вопросу о социокультурной трансформации и выделим ее основные типы.

Т.Н. Заславская характеризует *социальную трансформацию* как «радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы или социетального типа общества». При этом она выделяет несколько слоев показателей характера и направленности этих изменений: на поверхности - преобразование социальных институтов, глубже - социально-групповой структуры; «еще более глубинным и в то же время наиболее надежным критерием направленности трансформационного процесса, показателем того, ведет ли он к модернизации или, напротив, к деградации общества, служит генеральное направление социокультурных сдвигов» [4, с. 149-151].

Необходимость учета социокультурных параметров изменения общества сейчас признают все. Но если направление социокультурных сдвигов действительно рассматривать как глубинный и наиболее надежный критерий направленности трансформационного процесса, то учет соответствующих параметров приобретает статус теоретико-методологического подхода.

С этих позиций **социокультурная трансформация** есть комплексное, преимущественно эволюционное преобразование общества как социокультурной системы. Комплексность преобразования означает, что трансформационный процесс охватывает все основные структуры и процессы системы и потому не сводится к реформам «сверху», а его ход и исход в решающей степени зависят от действий массовых социальных групп. Это обуславливает принципиальную неоднозначность, незаданность окончательного исхода преобразований. В особенности это относится к трансформации социокультурной системы как переходу от одного типа антропосоциетального соответствия к другому. Этот исторический процесс охватывает жизнь многих поколений людей и длится десятилетия.

На основе двух типов антропосоциетального соответствия можно выделить два типа социокультурных трансформаций:

1) *традиционализация* - возникновение и институционализация традиций, других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями их инновационных действий;

2) *либерализация (модернизация)* - расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры общества, возникновения и включения в нее новых интегрирующих элементов. Понятие «либерализация» используется здесь по отношению к обществу в целом, а не только к его полити-

Кризисный социум...

ческой организации. Либерализация апеллирует к ценности свободы и сопряжена с веберовской рационализацией исторического процесса.

Адаптируя и видоизменяя подход Т. Парсонса [5], можно предложить следующие группы процессов, в совокупности образующих комплексный процесс социокультурной либерализации:

- *возникновение и включение* в трансформирующуюся систему новых компонентов, обеспечивающих ее изменение: появление пассионарных личностей, продуцирующих и демонстрирующих новые, гуманистические ценности и нормы деятельности, включая свободы и права человека и гражданина; становление рыночной системы, рационализация организационных структур управления, индустриализация труда, информатизация производственных и непроизводственных сфер жизни; легитимизация и развитие политических партий, профессиональных союзов и других форм массовой самоорганизации граждан, их участия в формировании, функционировании и изменении государственных структур и т. п.;

- *дифференциация* социальных структур, их плюрализация, расширяющая пространство свободного выбора действий граждан (отделение профессиональной работы от домашнего труда, государства от церкви, гражданского общества от государства и т. д.) и постепенно дополняемая новой их консолидацией и дифференциацией уже на социетальном уровне как социетально-функциональных структур - жизнеобеспечивающей (прежде всего экономика), духовно-интегрирующей (культура), статусно-дифференцирующей (социальная структура) и властно-регулирующей (политика);

- *появление* в либерализируемой социокультурной системе новых компонентов, дезинтегрирующих ее по новым основаниям: глубокое отчуждение человека от условий жизни и труда; глобализация военно-политических противостояний вплоть до угрозы самоуничтожения человечества; рост экологической опасности, деградация природной среды и другие, не умаляющие, а возвышающие приоритет либерально-гуманистических критериев.

Здесь необходимо провести различие между либерализацией как социокультурной трансформацией, имеющей комплексный характер и совершаемой «сверху» и «снизу», и модернизацией как процессом, идущим «сверху», или верхушечной либерализацией.

По проблемам модернизации имеется обширная литература. Подытоживая ее содержание, П. Штомпка показал, что понятие модернизация используется в трех значениях: а) наиболее общем, неспецифичном - как синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений; б) как комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XX в. в виде современного общества (modernity); в) в узком смысле - обозначает усилия отсталых или слаборазвитых обществ, стремящихся по тем или иным рецептам двигаться от периферии к центру современного общества.

Концепции модернизации используют термин «модернизация» в последнем, узком смысле. Разработанные в 50-60-х годах XX в., они, по оценке П. Штомпки, не выдержали исторической критики. Но сама идея модернизации возродилась в 1980-х годах в виде теорий неомодернизации и постмодернизма, в особенности в связи с попытками постсоциалистических обществ «войти» или «вер-

нуться в современный западный мир» [6, с. 170-181]. Добавим: опять-таки по западным рецептам «сверху»! И уже по этой причине - как верхушечная трансформация - эта идея обречена на неудачу. К тому же не следует забывать об отличиях постсоциалистических обществ от слаборазвитых стран «третьего мира» по культурному и научно-техническому уровню; хотя, конечно, в силу неразвитости рыночных механизмов и демократических структур их можно отнести к «слаборазвитым» странам.

Вывод: не следует смешивать «модернизацию сверху» с модернизационным социокультурным процессом. Когда говорят о постоянных неудачах модернизационных реформ в России, о рецидивирующих или догоняющих модернизациях, то это справедливо лишь в отношении реформ сверху. Что же касается либерализации как самоориентирующегося социокультурного процесса, то необходимые исследования в этом направлении только разворачиваются.

В данной статье мы сосредоточим внимание на характеристике трансформационных процессов по ключевым для социокультурной трансформации России аспектам: переходу от традиционалистского типа антропосоциетального соответствия к либеральному или современному типу соответствия и достижению социокультурного баланса как показателя относительной завершенности переживаемой стадии социокультурной трансформации. Но начнем с краткой характеристики опыта либерализации в странах Запада.

Ранняя либерализация в Западной Европе и в досоветской России

В Древности, Античности и в Средние века в самых разных обществах преобладали трансформации *традиционалистского* типа. В некоторых странах и в наши дни наблюдаются подобные фазовые трансформации (например, когда нормы той или иной религии становятся законами государства).

Либеральный тип трансформации зародился в античном мире: Афинская демократия, Римский *munісіріум* и др. Но достижения античной протолиберализации были надолго вытеснены возвратом к традиционализму в новом, феодальном его облике. Впрочем, феодальная традиционализация совершалась в разных сферах жизни далеко не равномерно, подчас противоречиво. В городах жил принцип муниципалитета, а в устройстве церкви все более укоренялся принцип наследования собственности и власти. Зрелое традиционалистское общество в феодальной Европе воспроизводило себя и эволюционировало еще около пятисот лет.

Однако окончательному его закреплению препятствовали, с одной стороны, напряженность между духовным универсализмом церкви и мирским партикуляризмом феодалов, а с другой - социально-структурные различия между обществами, формировавшимися на юге, северо-востоке и северо-западе Европы. В Новое время (с XIV в.) обнаруживается пассионарный подъем новых личностных сил, для которых становятся тесными жесткие рамки феодальных и церковно-католических порядков. В Европе началась *Новая протолиберализация*: ренессанс гуманистического искусства и литературы означал отделение культуры от церкви, а протестантская Реформация - отделение верующего от посредничества духо-

Кризисный социум...

венства. После ожесточений контрреформации и Тридцатилетней войны стали распространяться и затем были узаконены новые ценности религиозного плюрализма и терпимости к инакомыслию, возрос авторитет универсальных норм морали и рационального знания. Возникают автономные университеты, городские общины, вольные города как центры рыночной экономики и ранние образцы территориально-национальных государств.

Но на этой протолиберальной стадии было еще совершенно не ясно, в каком направлении будет продолжаться социокультурная эволюция: ограничатся ли преобразования духовной сферой, способствуя утверждению национальных государств, в рамках которых будет совершенствоваться феодальный традиционализм, или же восторжествует иной, новый путь - радикальные культурно-политические дифференциации распространятся на другие структуры общества и будут означать трансформацию его социокультурного типа.

С XVII в. обозначился как раз второй путь: началась собственно либерализация, точнее, первая ее стадия - *ранняя либерализация*. Постепенно протестантский аскетизм усиливал мотивацию достижительности в земных делах, тем самым стимулируя предпринимательство, коммерцию, банковские и иные рыночные отношения; ключевое значение приобрела коммерциализация сельского хозяйства. Религия, государство и экономика становятся к концу XVIII в. в ряде стран Европы, прежде всего в Англии, Голландии, Франции, относительно самостоятельными социетально-функциональными структурами. Это сформировало исходные стимулы и социальное пространство для инициативы наиболее активных слоев, представлявших различные сословия.

Узловыми фазами развертывания и углубления этих процессов стали научная, промышленная и демократическая революции. На основе достижений классического естествознания началось интенсивное развитие широкого спектра математических, физических, биологических и других научных дисциплин, а на их почве возникло множество крупных технических изобретений. Они воплощались в механизмы и машины, нередко универсального применения (паровой двигатель, железные дороги, электроэнергия и др.), резко повысившие производительность труда. Пространством для этого процесса стало быстрое расширение рыночной системы и ее дифференциация: появление рынков капитала и труда, превращение денег в главный контролирующий механизм экономических процессов. Работа выделилась из домашнего труда. Общество становилось из аграрного индустриальным и урбанизированным. Сословная структура сменилась классовой, которая, в свою очередь, стала дифференцироваться в направлении плюральной стратификации. Затем последовали демократические революции XVIII-XIX вв., идеологически подготовленные трудами просветителей, которые помогли широким массам населения осознать свои потребности в политической свободе и равенстве, а затем подняться на баррикады под девизами *Liberte'*, *Egalite'*, *Fraternite'*. Требование свободы исходило из необходимости обеспечения свободы не только народа в целом, но и каждого индивида; равенство включало гражданский, политический и социальный аспект; братство же означало солидарность всего населения страны или общества как единого социетального сообщества (*societal community*) [5].

Вместе с тем, свобода для людей, занятых наемным трудом, обернулась ростом их отчуждения от средств и результатов труда. Политическое равенство ограничилось функциями электората, поведением которого к тому же манипулиру-

ют средства массовой информации. Равенство в социальной сфере привело к массовизации образования и медицинского обслуживания при углублении новых осей социальной стратификации: культурно-символической, культурно-нормативной. Умножились и выросли до глобальных масштабов военно-политические противоборства.

Ранняя либерализация длилась в странах Западной Европы как культурно однородной группе стран более трехсот лет. В каждой стране она развертывалась по-своему.

Англия стала родиной спонтанно возникшей органической либерализации и последовательно развертывавшейся комплексной социокультурной трансформации. Впечатляет классическая ее логика: конфессиональная плюрализация и секуляризация общества, дифференциация друг от друга церковных и светских систем как исходный пункт последующих трансформаций; подданство сменяется гражданством, развиваются важнейшие его формы (XVII в.); на базе гражданских прав формируется рыночная система (сначала коммерческие, затем финансовые рынки и рынки труда, - включая насильственное отделение крестьян и мелких ремесленников от средств производства, другие жесткие способы первоначального накопления капитала), что стимулирует индустриализацию и появление бюрократических структур управления расширяющимся производством (XVIII в.); наконец, возникают и быстро набирают силу формы самоорганизации масс - политические партии, профсоюзы и др. (XIX в.).

Трансформационный процесс как переход к новому типу социокультурной системы завершается в Англии, видимо, уже к 70-м годам XIX в.: к этому времени сложился механизм саморазрешения циклических кризисов производства, который вместе с отлаженной системой парламентского разрешения политических кризисов можно рассматривать как показатели существования социокультурного баланса. Затем эта сбалансированная система около полувека совершенствовалась свои структуры и механизмы. Следует учитывать колонизаторский ее характер - использование природных и человеческих ресурсов обширных колоний.

Во *Франции* процесс либеральной трансформации начался позднее (по сути, с XVIII в.) и осуществлялся менее сбалансированно, более драматично. Развитие системы рынков долго сдерживалось традиционно-феодальными ценностями и нормами, отсутствием равноправного гражданства. Поэтому Французская революция 1789 г. была кровавой и сопровождалась рецидивами традиционализации: послереволюционной тиранией, реставрациями монархии, повторными революциями в XIX в. Утверждение представительной демократии продолжалось около 90 лет. В последней трети XIX в. особо быстро стал развиваться финансовый рынок, резко вырос вывоз капиталов, усилилась колониальная экспансия, и все это при ослаблении промышленности. Острейшей стала проблема дезинтеграции социального сообщества, развитие аномии. Лишь ко второй половине 20-х годов XX в. появились признаки социокультурного баланса. Но он оказался неустойчивым, воспроизводился с перебоями и рухнул при немецко-фашистской оккупации. Видимо, окончательное его установление следует отнести к первому десятилетию после Второй мировой войны.

В *Германии* процессы идейно-духовной протолиберализации растянулись на несколько столетий. Ранняя либерализация общества как комплексный процесс началась в Германии в XIX в. Наполеон принес в Рейнскую провинцию революционизирующий гражданский кодекс. После освобождения от французской окку-

Кризисный социум...

пации в политически раздробленной Германии стали шириться рыночно-капиталистические отношения. Но их развитие тормозил мелкокняжеский традиционализм. С середины XIX в. развернулась борьба за объединение и демократизацию страны. Объединение осуществилось, но в форме конституционной монархии при доминировании Пруссии, агрессивная политика которой привела к войнам с соседями в 60-70-х годах XIX в. и к Первой мировой войне XX в. Образование Веймарской республики после поражения Германии создало предпосылки для социокультурного баланса, но они были разрушены рецидивом крайнего традиционализма - приходом к власти фашизма, который развязал Вторую мировую войну. Лишь после нового поражения, под контролем оккупировавших западные территории стран (США и др.), возникла демократическая ФРГ. Социокультурный баланс в этой части страны устанавливается к концу 1950-х годов, а во вновь воссоединенной Германии - лишь к концу XX в.

Как видим, социокультурная трансформация в каждой стране происходила по-своему. Причем далеко не все страны Западной Европы успели завершить раннюю либерализацию в XX столетии. Вместе с тем, в Англии и США с 30-х годов XX в. началась вторая стадия трансформации - зрелая либерализация, на которой мы остановимся позднее. А сейчас обратимся к трансформационным процессам в России.

В *России* трансформационные процессы разворачивались в русле европейских тенденций, но с отставанием, что было вызвано более поздним выходом славянских племен на историческую арену. Вместе с тем, геополитическое положение России, специфика становления ее культуры и другие факторы обусловили нарастающее запаздывание модернизационных процессов, их дискретность, учащение их маятникового пульса. Можно выделить два типа и, соответственно, две эпохи социокультурных трансформаций в России: от княжеской к этатистской традиционализации и начало ранней либерализации.

Выйдя из язычества и приняв православное христианство, общество Киевской Руси уже в XI—XII вв. предстает как структурно дифференцированный феодальный традиционализм: удельно-княжеский, холопско-городской, торговый, византийской духовной ориентации. После двухвековой борьбы с половцами в XII-XIII вв. значительная часть населения Киевской Руси мигрировала из Приднепровья на северо-запад и северо-восток. С притоком новых масс, на основе славянского населения, осевшего в начале средневековья (VIII—IX вв.) в Волго-Клязьменском и Волго-Окском междуречьях, в северо-восточной Руси сформировалась этноязыковая общность великорусов [7, с. 227-228, 382]. Суровые и нестабильные климатические условия предъявляли дополнительные требования к самостоятельности действий всех категорий русского населения. Большинство русских были вольными арендаторами-землепашцами и промысловиками.

Порабощение Золотой Ордой (XIII-XV вв.) опустошило многие русские города и села, а культура и социально-политические отношения были деформированы и получили асимметричную евразийскую ориентацию с преобладанием восточного европеизма. Постепенно сформировался новый центр народных сил - Москва: она крепла хозяйственно, политически и духовно, стала новым центром православия; Московское княжество обрело статус великого, объединило весь этнос великороссов и приобрело характер национального государства.

После освобождения от владычества Орды начался быстрый рост сельскохозяйственного производства и народонаселения. В XVI в. расширяется поместное

(помещичье) землевладение и, сливаясь с вотчинным, приобретает черты частного. При этом большинство крестьян остаются вольными съемщиками, которые живут и работают на земле по договору. По мере развития поместного землевладения возникают уездные дворянские общества - местные корпорации служилых людей, выполняющие управленческие и иные функции. Земским мирам было предоставлено право выбирать органы самоуправления. С 1550 г. эпизодически стал созываться Земский собор, который принимал решения по наиболее важным вопросам, в том числе дважды (1598, 1613 гг.) избирал нового царя в связи с прекращением династии.

Эти и другие новшества отвечали растущим потребностям верхних сословий российского общества. Однако они означали лишь эволюцию принципа закрытости структур власти от большинства населения и не стали началом модернизации в России. Напротив, с середины XV в. все настойчивее утверждаются абсолютистские идеи. При этом сохраняется отношение государя к стране как к своей вотчине, а к народу - как к подданным-холопам. Абсолютистско-вотчинный традиционализм ярко проявился в действиях Ивана IV.

С прекращением династии Рюриковичей (1598 г.) в умах и действиях разных сословий проявила себя великая Смута (начало XVII в.). Будучи ответом на углублявшееся несоответствие политического строя потребностям народа, она была *первым кризисом традиционализма* в России. Однако новая династия Романовых унаследовала прежнюю традиционалистскую ориентацию. Даже усугубила ее: именно после Смуты завершилось закрепощение большинства крестьян (по «Уложению» 1649 г.). Утверждение крепостного строя глубоко понизило уровень российской гражданственности на двести лет вперед. Вместо развития внутренних сил россиян началась колонизация территорий на восток и юг от Московского государства, надолго возобладал традиционалистский принцип внешнего могущества державы в ущерб потенциалу граждан.

Но после Смуты возникли также предпосылки и зачатки *протолиберализации*. Рост потребностей и самосознания широких масс проявился уже в XVII в. в восстаниях против существующего строя (например, восстание Степана Разина), в расколе православной церкви с выделением старообрядцев в особую ее ветвь. Западная культура проникает в быт горожан (в Москве воссоздалась разрушенная во время Смуты Немецкая слобода), формируется школьное образование (в Чудовом монастыре учреждена Греко-латинская школа). Правительство вводит ряд новшеств: учреждает полки иноземного строя, привлекает иностранцев для поисков руды и строительства оружейных заводов близ Тулы и др. Словом, культура тех стран северо-западной Европы, в которых уже началась ранняя либерализация, постепенно начала оказывать влияние на российское общество.

Однако первые, в узком смысле модернизаторские реформы сверху в российском обществе осуществил Петр I. Он наиболее остро осознал нарастающее отставание России от стран северо-западной Европы и вздыбил страну для прыжка - на Запад; согласно С.М. Соловьеву - из варварства в цивилизацию; в терминах нашей концепции - от традиционализации к *модернизации сверху*.

Петр осуществил множество практически мотивированных преобразований. Исходной стала военная реформа: замена дворянского поместного ополчения регулярной всесословной армией и строительство флота; это обеспечило победу над Швецией и возвращение Украины и балтийских земель, выход России к морю. Для постоянно воюющих армии и флота требовались не несколько оружей-

Кризисный социум...

ных заводов, а целая промышленность, - и Петр насадил первичную индустриализацию страны, обеспечил необходимые для этого субсидии и подготовку кадров. В области управления государством он поднялся до идеи служения государя общегосударственному делу и вывел себя как государя из-под непосредственного контроля церкви, отменив высший ее чин - патриарха; заменил Боярскую думу Сенатом, в который назначались знающие дело люди и при котором были образованы отраслевые коллегии; ввел европейское летоисчисление (не от сотворения мира, а от Рождества Христова) и начало года (не с 1 сентября, а с 1 января). В последние 5-6 лет жизни он провел огромную законодательную работу, хотя и не всегда успешную.

Но историческая ограниченность Петра I состояла в том, что он остался далек от главной идеи либерализации, уже выработанной на Западе и воплотившейся в Англии, Голландии и некоторых других странах: идеи равноправного гражданства всего населения страны, выборности законодательных органов и принципа разделения властей. Его модернизация сверху так и осталась верхушечной. Более того, он активно действовал в противоположном направлении, расширяя и углубляя традиционалистский принцип абсолютной монархии: ужесточил крепостничество, многократно повысил налоги на крестьян и посадских людей, вместо прежних правил престолонаследия (наследование или выборность Земским собором) учредил произвол действующего императора при определении наследника и др. Активно продолжил колониционное расширение России. На это же были направлены этатистски-традиционалистские контрреформы его ближайших преемников.

Однако модернизационное начало не исчезло. Оно продолжилось в просвещенческой ориентации Екатерины II. Она задумала кодификацию российских законов на основе принципов Ш. Монтескье, для чего создала всесословную Комиссию (1767-1768 гг.). Первая глава «Наказа» императрицы, адресованного Комиссии, гласила: «Россия есть Европейская держава», и ориентировала на утверждение принципа «естественной вольности» подданных ради получения самого большого от всех добра. В пятой главе утверждалось: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» [8, с. 322, 324]. Видимо, впервые из-под пера российского монарха вырисовались слова *равенство граждан*. Но работа Комиссии продемонстрировала непонимание таких ориентаций; каждое сословие требовало себе новых прав и уменьшения обязанностей. (Крестьянство, не представленное в Комиссии, заявило о себе пугачевщиной.) В итоге дворянство стало праздным классом, получив максимум прав не только в отношении крепостных крестьян, но и по управлению губерниями, а также свободу от воинской повинности. Одних это вело к одичанию, у других развился интерес к искусству и литературе эпохи Просвещения.

Просвещенческий ренессанс был преимущественно французского происхождения и привил узкому слою дворянства интерес к общим принципам свободы, но их конкретное содержание воспринималось плохо. Если во Франции либеральные идеи, связанные с местными условиями, готовили революцию, то в России те же идеи услаждали интеллект узкого слоя дворян, чуждых условиям жизни народа. А если нацеливались на благо народа, то опять-таки в абстрактной и потому радикалистской форме. Здесь истоки интеллигенции как специфически российского социокультурного слоя.

Наиболее значительной попыткой практического воплощения таких идей стал преобразовательный план М.М. Сперанского об уравнивании всех сословий перед законом, освобождении крестьян без земли и разделении трех ветвей власти (1808-1809 гг.). Война с Наполеоном отвлекла, а победа и вовсе отвратила Александра I от этого плана. Напротив, в образованных кругах, особенно среди молодежи - детей вольтерьянцев екатерининской эпохи - созрело убеждение, что в ответ на самоотверженность крестьян в Отечественной войне должно последовать его полное освобождение и учреждение конституционной монархии. С таким убеждением 14 декабря 1825 г. и вывели гвардейские полки на Сенатскую площадь молодые герои Отечественной войны. Пятеро из них были за это повешены, а другие сосланы в Сибирь. Постепенно гвардия перестает быть дворянской, и само дворянство теряет политическое значение в глазах династии. А от народа оно давно уже было «страшно далеко». Миновал *второй кризис российского традиционализма*.

Так, с перерывами, пунктирно накапливался опыт верхушечной протомодернизации в недрах этатистски-традиционной России. Вряд ли этот опыт можно свести к маятниковым реформам и контрреформам. Это были шаги россиян по пути осознания своих потребностей и возможностей, необходимости отказаться от тех традиционалистских установлений, которые препятствуют осуществлению этих потребностей и возможностей.

Но династии Романовых до середины XIX в. удавалось сохранять и даже углублять традиционалистский уклад жизни, предотвращать общую ее либерализацию путем частных, верхушечных модернизаций - военных, административных, просвещенческих. Ценой такой «модернизируемой традиционализации» стало двухвековое торможение развития отечественной промышленности и торговли, всего народного хозяйства страны. Поражение России в Крымской войне (1853-1856 гг.) сделало дальнейшее отставание нетерпимым. Обнаружился уже не верхушечный кризис, а глубинный *тупик традиционализации*.

Оказавшись в тупике, царствующая династия была вынуждена приступить к комплексной трансформации государства - к *либерализации* российского общества. Этот процесс начался с середины XIX в. и продолжается сквозь рецидивы традиционализма до наших дней. Можно выделить три его фазы:

- начало ранней либерализации, первый рецидив традиционализма и революционные взрывы против него (с середины XIX в. до начала 20-х годов XX в.);
- мобилизационная модернизация через тотальное отчуждение человека, второй рецидив традиционализма (советский период);
- завершение ранней либерализации через период кризисов и реформ (с середины 80-х годов XX в., включая начало XXI в.).

О первой фазе пойдет речь в данном подразделе, а второй и третьей фазам посвящены следующие разделы статьи.

Реформы конца 50-х - середины 70-х годов XIX в., проведенные Александром II, положили *начало ранней либерализации* как комплексной трансформации России. Это выразилось прежде всего в отмене крепостного права и либерализации важнейших социальных институтов.

«Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само начнет отменяться снизу», - заявил Александр II в речи перед депутацией московских дворян в апреле 1856 г., вскоре после вступления на престол и буквально через 10 дней после подписания Парижского мира. 3 марта (19

Кризисный социум...

февраля) 1861 г. царь утвердил Закон и подписал Манифест об отмене крепостного права. Под влиянием массовых выступлений крестьян модернизация приобрела характер комплексной - сверху и снизу - социокультурной либерализации.

Крестьяне, пожизненно находившиеся в частном владении помещиков, *стали лично свободными*. Они получили право распоряжаться своим имуществом, заниматься торговлей, предпринимательством, переходить в другие сословия. Все-го было освобождено от крепостной зависимости 22 млн крестьян. Это означает, что подавляющее большинство населения юридически становилось полноправными гражданами России, хотя значительная часть оставалась на положении «временнообязанных». Крепостной труд заменился наемным. Началась новая эпоха в истории нашей страны. Александр II заслуженно вошел в ее историю как *Освободитель*.

Гораздо сложнее обстояло дело с экономическим освобождением новых граждан, с действительным обретением ими возможности распоряжаться своим имуществом. Крестьяне получали в пользование избы с огородами и наделялись полевой землей по региональным нормам (в среднем 3,3 десятины, или 4,78 га на душу), за выкуп и повинности; при этом община отвечала за сбор налогов (по правилу круговой поруки). Сверхнормативная земля отрезалась в пользу помещиков. В целом по России к началу XX в. большинство крестьян расплатились по долгам и получили возможность эффективнее развивать свое хозяйство.

В 1864-1874 гг. был проведен целый комплекс либерально-буржуазных реформ. Наиболее последовательной из них стала судебная реформа. Она вводила независимость судьи от администрации, равную ответственность всех сословий перед законом, гласность судебных заседаний, состязание прокурора и адвоката, участие присяжных заседателей. Земская и городская реформы были направлены на создание и развитие всесословных выборных органов местного самоуправления, местная инициатива получала возможность самовыражения.

Довольно радикальной была реформа образования. Университеты получили значительную автономию. Был введен принцип всесословной школы, созданы три типа начального образования: государственные, земские и церковно-приходские школы. Средними учебными заведениями стали классическая и реальная гимназии. Образованы высшие женские курсы. Страна получала стройную систему образования, благодаря которой университетская наука и образование в России вышли на европейский уровень. Стал быстро расти интеллектуальный потенциал подрастающего поколения и всего населения России - важнейшая предпосылка последующего общего ее подъема. Этому помогла и реформа печати, ослабление цензуры.

Военная реформа заменила рекрутский набор всеобщей воинской повинностью для мужчин, достигших 21 года. Сроки службы сокращены до 6-7 лет, а для лиц с образованием - еще меньше. Улучшились обучение солдат и подготовка офицеров; командный состав по-прежнему пополнялся в основном за счет дворянской молодежи. Началось техническое переоснащение армии и флота.

Финансовые реформы повысили роль государственного банка, было введено золотое денежное обращение, стали публиковаться данные государственного бюджета. Система винных откупов была заменена акцизным сбором.

Реформы стимулировали быстрое экономическое развитие страны. Начался подъем сельского хозяйства, урожайность зерновых выросла до конца века на треть. В промышленности мануфактуру сменяла машинная индустрия. Разверну-

лось строительство железных дорог. Увеличился приток иностранного капитала. Численно росли буржуазия и промышленный рабочий класс. Все это усиливало европейскую составляющую бикультурного социума.

Но внешняя политика царской России оставалась традиционно-колониальной. Одновременно с проведением буржуазно-либеральных реформ правительство Александра II *на Западе* - подавило польское восстание за независимость (1863-1864 гг.) и восстановило, по итогам войны с Турцией (1877-1878 гг.), независимость Болгарии, Сербии, Черногории, Румынии; *на Юге* - по итогам той же войны к России отошли новые земли на Кавказе и возвращена часть Бессарабии; *на Востоке* - Россия получила от Китая земли по левому берегу Амура и Уссурийский край (1858-1860 гг.), осуществила завоевание Средней Азии, подчинив Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства, а также несколько полунезависимых бекств и отдельных племен - традиционно-восточные общества, население которых было занято земледелием и скотоводством (1864-1873 гг.). Это были последние успехи России в защите западных и колонизации южных и восточных территорий. Значительно выросла доля туранского элемента культуры, что повысило конфликтный потенциал большого евразийского социума.

Появились и первые симптомы пределов колонизации: в 1867 г. российское правительство продало США Аляску с Алеутскими островами, а в 1875 г. обменяло с Японией Курильские острова на Южный Сахалин.

Реформы, проведенные всего за 15-20 лет, качественно меняли характер российского общества. Оно расставалось с феодальным традиционализмом и открывало себя либеральной трансформации. На смену сословиям приходили классы. Началось формирование гражданского общества. Начало ранней либерализации предстояло увенчать переходом от абсолютной монархии к конституционной. Неиздолго до своей гибели Александр II одобрил проект Конституции.

Но этого казалось мало разночинной интеллигенции, со времен Екатерининского просвещенчества унаследовавшей либеральные идеи в их абстрактно-радикальной форме. Декабристы-дворяне не решились застрелить Николая I, а народные волевики застрелили Александра-Освободителя. За этим роковым выстрелом последовал первый рецидив традиционализма.

Александр II был убит 1 марта 1881 г. На престол вступил Александр III, придерживавшийся традиционалистско-монархических ориентаций. Уже через неделю, 8 марта, Совет министров отклонил Конституцию, одобренную царем-Освободителем. 29 апреля был принят Манифест, само название которого не оставляло сомнений в традиционалистских намерениях нового царя: «О незыблемости самодержавия». Были предприняты контрреформы сверху в основных областях жизни, затронутых либеральными преобразованиями: судебной, земском и городском самоуправлении, образовании, сельско-общинной и национально-колониальной жизни. По сути, стала *восстанавливаться и завершаться традиционалистская этатизация общественной жизни*.

Возникла *пагубная триада*: либеральные реформы-террор-традиционалистские контрреформы. Действия радикалов-экстремистов на практике оказываются верным средством срыва либеральных реформ, стимулом для рецидивов традиционализма.

Однако в экономике продолжался подъем. По темпам роста производства в прогрессивных отраслях Россия вышла в 1880-х гг. на первое место в мире, а по

Кризисный социум...

объемам производства вошла в пятерку крупнейших держав мира. Россия закрепила во второй, среднеразвитой группе капиталистических стран.

Но в более общей, социокультурной перспективе Россия как бы зависла на взлете: вступив с некоторым опозданием в стадию ранней либерализации, она споткнулась о рецидив традиционализма. Вновь возникли благоприятные условия для деятельности радикальных политических организаций и движений, на этот раз массовых. Они быстро распространяли свое влияние на значительные слои трудящихся, прежде всего рабочих и крестьян. Зрели предпосылки для *революционных взрывов против традиционализма*.

На рубеже XIX-XX вв. наступил мировой экономический кризис. Наиболее глубоким и длительным он оказался именно в России, где закрылись около трех тысяч предприятий. Многие страны стали искать решение своих проблем в локальных войнах. Правительство Николая II втянулось в войну с Японией и потерпело позорное поражение. Обнаружился *новый тупик* российской традиционализации.

Революция 1905 г. представляла собой первую попытку взорвать вновь законсервировавшийся традиционализм. Несмотря на поражение, она стала массовым импульсом, побуждавшим снизу к продолжению либеральной трансформации. Правительство Николая II вынуждено было воспринять этот импульс: пошло на фиктивные конституционные обещания и создание законосовещательной думы, а практически - на продолжение аграрных реформ. Столыпинские реформы предоставили поддержку крепким и сильным крестьянам. Отменялась монополия общинной групповой собственности, стимулировалась мелкая частная собственность на землю, поощрялся выход крестьян из общины. В реформацию вовлекались органы государственного страхования, местного самоуправления, к ее задачам приспособлялась налоговая политика.

И повторилась пагубная триада: реформы Столыпина - его убийство - спад реформ. Начался новый этап реакции, обостренный подготовкой и участием России в Первой мировой войне.

Итоги этого этапа всем хорошо известны: февральская революция 1917 г., отречение царя от престола, двоевластие (Временное правительство и Советы), Октябрьская революция 1917 г. (взятие власти Советами под контролем большевиков), национализация частной собственности, гражданская война, образование СССР.

Казалось, что старый мир традиционализма разрушен до основания и страна двинется по светлому пути пост-либерализации, срезая углы и минуя промежуточные этапы. Но история не прощает такого рода пагубной самонадеянности рассудка. Она требует считаться с социокультурными реальностями, ее этапами и тенденциями. Асимметрия евразийского социума продолжала пульсировать по своим ритмам.

Мобилизационная традиционализация, тотальное отчуждение и патологический кризис советского общества

После гражданской войны народы России оказались в новой стране: не стало России, возникли сначала РСФСР, затем Союз Советских Социалистических Республик. В окончательном названии не осталось следов от этнонимов населяющих ее

народов. Эти следы обнаруживались лишь во втором слое ново-названия страны: в виде прилагательных, с которых начинались наименования республик, образующих Союз. Прилагательное «Российская» стало относиться уже не ко всей прежней России, а лишь к одной из республик СССР. Так что политико-юридическое сужение ее географического пространства произошло уже тогда.

Но многие, особенно за рубежом, продолжали воспринимать Россию не только как РСФСР, но и как весь СССР. Другие, напротив, не видели в СССР ничего российского. Этому способствовал тот факт, что Коммунистическая партия как ядро советской политической системы длительное время не имела центральных органов в масштабе РСФСР. Слово «россиянин» исчезло из обихода и было заменено словом «советский». После Отечественной войны было провозглашено возникновение новой исторической общности - советского народа.

Это действительно стал во многом иной народ, чем до Октября 1917 г. Изменился он прежде всего под воздействием нескольких волн социокультурных мобилизаций.

Социокультурная мобилизация - это организация массовых действий, направленных на достижение некоторой идеальной цели и против конкретного врага как мифологизированный способ становления и функционирования традиционалистского общества. Идеальная цель, образ врага и образцы действий против него задаются сверху, по рациональному расчету; затем образцы действий распространяются, вернее, внедряются до самых низов, но при этом низам внушается, что это их собственная инициатива; в итоге процесс мифологизируется, представляя как изначально массовое, всенародное движение в интересах самих масс.

Наибольший успех достигается, если такие мобилизации следуют, как волны, одна за другой: каждая приближается к идеальной цели и поражает своего врага, а каждая последующая овладевает новым поколением и проникает в новую сферу жизни всего населения. В идеале - непрерывный поток мобилизаций, мифологизируемый как процесс реализации интересов народа.

По сути, вся история СССР есть история социокультурных мобилизаций*. Концентрированно и идеологически выверено она излагалась в кратком курсе «Истории ВКП(б)» и более гибко - в позднейшей «Истории КПСС». Используя эти и другие, в том числе альтернативные источники, выделим основные типы мобилизаций.

В соответствии с принципами социокультурного подхода будем использовать в качестве основных критериев типологии следующие два: какой характер антропосоциетального соответствия реализуется в ходе данной мобилизации - традиционалистский или либеральный; какое она имеет значение для существования социокультурной системы как таковой - экзистенциальное, или пассионарное, или системо-поддерживающее.

Мобилизации первой волны можно охарактеризовать как *экзистенциально-традиционалистские*. Их функции были весьма простыми: отстоять само существование новой социокультурной системы - возникшей (1918-1921 гг.) или вполне сложившейся, но подвергшейся опаснейшей агрессии (1941-1945 гг.). По своему антропосоциетальному содержанию они были традиционалистскими.

---

* Некоторые считают, что мобилизационный тип развития вообще составляет характерную черту русской истории (см. [9]).

Кризисный социум...

Прежде всего это военные мобилизации на фронты гражданской войны (1918-1920 гг.), трудовые и продовольственные мобилизации периода военного коммунизма (1920-1921 гг.); к экзистенциально-значимым относится и военная мобилизация времен Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), но ее можно считать классическим примером мобилизации, отвечавшей жизненным интересам всех народов страны, всего общества как социокультурной системы, каждого ее члена.

Другую волну образуют *пассионарные мобилизации*: радикально-модернизационные по предметному содержанию и крайне традиционалистские по способам осуществления - авторитарные и тоталитарные. Пассионарность российских революционеров объяснялась тем, что они были первыми в истории, перед кем, как им казалось, открылась возможность воплотить в действительность дерзновенную мечту о счастливом «человечьем общежитии». Самые далекие, терминальные ценности представились им доступно близкими, наконец-то реализуемыми. Сциентистская утопия явилась как религиозное видение. И ясный, как божий день, вывод: «Дело за нами: наше призвание, благородная миссия - мобилизовать массы...» К таким мобилизациям следует отнести: просветительно-идеологическую, направленную против немарксистских мыслителей и религии, но одновременно обеспечившую подготовку специалистов, подъем науки и искусства; партийно-номенклатурную, известную как «ленинский призыв» в партию, позволивший заменить опытные партийные кадры выдвиженцами сталинской ориентации, составившими ядро «номенклатуры»; индустриальную и аграрно-коллективизаторскую мобилизации, которые дали впечатляющие модернизационные результаты, достигнутые, однако, преимущественно путем внеэкономического, часто силового принуждения масс, т. е. традиционалистскими способами.

Массированное использование этих способов породило *тотальное отчуждение человека*. Перманентное, волна за волной, следование социокультурных мобилизаций, нагонявших и усиливавших друг друга, обеспечило небывалую военно-техническую модернизацию страны, ставшей одной из двух сверхдержав мира. Но эти же мобилизации стали социетальным механизмом формирования все новых и новых слоев отчуждения индивида, личности от собственной сущности, от своих способностей и потребностей.

Анализ исторического опыта позволил выделить *семь слоев отчуждения*, последовательно возникавших, наслаивавшихся один на другой и сраставшихся в тотальный комплекс. Исходным стало отчуждение подавляющего большинства населения от участия в управлении страной, от власти. Оно было обусловлено мифологической сущностью всех социокультурных мобилизаций, маскировавших интересы властной номенклатуры под интересы масс. Однако отчуждение народа от власти долго не просуществовало бы, не будь создан второй уровень - отчуждение работающих за зарплату от результатов своего труда, от адекватной его оплаты. Максималистское начало такого отчуждения было положено трудовыми и продовольственными мобилизациями периода военного коммунизма, а затем трансформировано в систему ГУЛАГа и дополнено более «мягкими» индустриальной и аграрно-коллективизаторской мобилизациями. Коллективизация создала также третий слой отчуждения: земледельцев - от земли, от исконных прав на самоорганизацию аграрного труда и на присвоение производимого продукта. Наиболее комплексным и фундаментальным стал четвертый слой: отчуж-

дение структуры производства от потребностей населения; именно это отчуждение делало все более явной нежизнеспособность всей системы. Для сокрытия этого и других слоев отчуждения был создан пятый слой: отчуждение населения от правдивой информации. Совокупность пяти слоев стала предпосылкой для возникновения самого мрачного, шестого, означавшего тотальную утрату гражданами личной безопасности. Машина тотального уничтожения миллионов советских граждан работала с наводящей ужас ритмичностью, не щадя и обслуживающий ее персонал (подробнее см. [1]).

Переплетающиеся друг с другом шесть слоев или уровней отчуждения, каждый из которых обладал двойной или тройной страховкой, образовали небывалую в истории «ловушку», в которую попало советское общество. Начался период автаркии, развитие стало неотвратно замедляться. Наступило самоотчуждение общества от развития.

Подтверждением этому служит третья, послевоенная волна мобилизаций, которая получила иной характер по сравнению с предшествующими. Тотально отчужденный советский человек становился все менее восприимчивым к очередным мобилизациям. Это стало отражаться и в номенклатурных верхах. В борениях с реальностью ушли из жизни большинство пассионариев коммунистической идеи. Оставшиеся ее поборники ослабли духом. Ближайшее к ним поколение, их духовные дети унаследовали идейные заветы отцов скорее как прагматические советы для жизни. А их собственные дети, внуки пассионариев и вовсе стали относиться к ценностям дедов как к детским мечтам.

После смерти Сталина рычаги управления страной перешли к детям пассионариев. Они понимали, что традиционалистская система, одолев небывалого по силе и в чем-то похожего на нее противника, оказалась перед лицом нового, еще более могучего и совсем на нее непохожего оппонента. Она достигла известной зрелости и уже не могла трансформироваться в качественно новое состояние. Она была просто лишена иных внутренних механизмов саморазвития, кроме мобилизаций. Система стала страдать от роста дисфункций и требовала новых мобилизаций как основного механизма ее самоподдержания. Но мобилизация предполагает наличие непосредственного противника, лучше явного врага. С уничтожением собственников в городе и деревне и прекращением войн становилась актуальной проблема выявления новых врагов.

Утратившие пассионарность лидеры все же оказались способны решить эту проблему и обеспечить регулярное инициирование *системо-поддерживающих мобилизаций*, призванных затормозить нарастание дисфункций системы. Хотя эти мобилизации выдавались за продолжение прежних, на деле они приобретали характер возвратных или рецидивирующих мобилизаций. Сама их последовательность повторилась: сначала идеолого-патриотичная мобилизация против космополитизма и бесконтрольности творческих деятелей (1946-1948 гг.); затем Сталин замыслил кадровую мобилизацию, но не успел ее осуществить, а Н.С. Хрущев по-своему реализовал намерение вождя (после устранения Л.М. Берия пришла очередь «антипартийной группы» Г.М. Маленкова, В.М. Молотова и др.), но впервые отстранение политических противников от власти не сопровождалось угрозой для их жизни; Хрущев инициировал также мобилизацию на освоение целины (1953-1960 гг.), которая не дала ожидавшихся результатов; вовсе квази-мобилизацией оказалась во времена Л.И. Брежнева попытка реанимации строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМ, вторая половина 1970-х годов). Обна-

Кризисный социум...

ружилась *неэффективность традиционалистской мобилизации* как способа функционирования советского общества.

С другой стороны, в 1960-х годах выявилась невосприимчивость традиционалистской системы к либерализации, даже к умеренным попыткам ее модернизации. К тому времени стало нетерпимым длительное отставание сельского хозяйства и производства предметов потребления (группа «Б») от производства средств производства (группа «А») - основу этого отставания составляло отмеченное выше фундаментальное отчуждение структуры производства от потребностей населения. Нарастало техническое отставание промышленности СССР от стран Запада из-за медленного освоения промышленностью научно-технических достижений.

Среди научной общественности и в прессе развернулись дискуссии о необходимости предоставить предприятиям больше самостоятельности, чтобы повысить их эффективность. В сентябре 1965 г. Председатель Совмина СССР А.Н. Косыгин выступил с докладом на пленуме ЦК, в котором предложил реформу управления промышленностью и Положение, значительно расширявшее права и ответственность предприятия, его дирекции и трудового коллектива. «Инициатива, основанная на знании дела, оперативность, деловитость, чувство нового... - в этом суть новых требований», - сказал докладчик [10, с. 55].

Эта экономическая реформа, известная как «Косыгинская», по сути своей была противоположна прежним мобилизациям. Ее можно охарактеризовать как модернизацию сверху, ориентированную не на мифологическое, а на действительное высвобождение инициативы снизу. Это подтверждается неподдельным энтузиазмом, с которым реформа была встречена на предприятиях. И не только директорами, но и инженерами, рабочими, всем персоналом. Возникло и стало повсеместно распространяться движение за разработку планов социального развития трудовых коллективов, активную роль в методическом обеспечении которого сыграли российские социологи.

Однако экономическая реформа не сопровождалась тем размахом организационной поддержки со стороны ЦК КПСС, который был необходим. Возможно, имелись сомнения, не слишком ли либеральна эта реформа. Так или иначе, но в докладе Л.И. Брежнева на XXIII съезде партии отмечено, что кое-кому из недругов СССР «померещилось, будто наши последние экономические мероприятия представляют собой отход от социализма» [11, с. 53]. И реформа постепенно стала сходиться на нет. Был упущен шанс заменить тоталитарно-мобилизационный способ поддержки сложившейся системы либерально-модернизационным способом ее функционирования и развития.

Это упущение оказалось роковым: когда система стала зрелой («развитой социализм»), а системный кризис - явным, внутри нее не обнаружилось механизма саморазрешения такого кризиса. Вместо этого ускорилось формирование седьмого, мафиозно-коррупцированного слоя отчуждения: прежде не столь массовые нарушения законности в экономической сфере переросли в 1970-1980-х гг. в масштабную «теневую экономику», дельцы которой вступили в преступный альянс с прикрывавшими их группами из номенклатурной бюрократии. Стало явным отчуждение возрастающей части общественного труда от законных структур жизни общества.

Последний слой отчуждения сомкнулся с первым (отчуждением от власти). Наступил застой, затем - предкризисное состояние советского общества и, в кон-

це концов, общий его кризис. Возник, стал быстро шириться и обостряться редкий в истории процесс - патологический социокультурный кризис.

Социокультурный кризис свидетельствует об исчерпании возможностей саморазвития общества в данном его качестве. Именно такой кризис поразил советское общество. Первый, инкубационный этап этого кризиса начался в середине 1950-х годов, проявляясь в серии политических кризисов верхушечного характера и идеологической «оттепели». С середины 1960-х годов кризис вступил во второй этап, когда началась стагнация официальной ЭКОНОМИКИ, а деловая активность все больше перемещалась в «теневую» сферу. С середины 1980-х годов, на своем третьем этапе, кризис приобрел всеохватывающий и очевидный характер. Он проник во все сферы социальной и культурной жизни общества.

Два кризиса - социальный и культурный - сложились в одном обществе и действуют в нем одновременно. Точнее, они взаимодействуют, но весьма специфически, воплощая своеобразие российского общества как социокультурной реальности. В этой связи необходимо привлечь внимание еще к одной типологической характеристике кризисов общества. По характеру внутренней динамики их можно разделить на два противоположных типа: саморазрешаемые - их большинство, они вписываются в естественную логику саморазвития общества и потому могут быть названы нормальными; патовые или тупиковые, заключающие в себе порок заколдованного круга и потому выступающие по отношению к естественному как патологические. Особый случай представляет собой патологический социокультурный кризис.

Общество, переживающее патологический социокультурный кризис, есть *кризисный социум*. Это специфическое, редко встречающееся в истории состояние общества, характеризующееся уникальным сочетанием параметров социального и культурного развития. Именно такое состояние и сложилось в советском обществе на основе тотального отчуждения человека, наложившегося на многовековой раскол российской культуры. Это состояние можно охарактеризовать как застойное противоречие между культурой и социальными отношениями, породившее распад связей, интегрирующих общество, разложение культурного основания общественного воспроизводства при одновременном блокировании механизмов его саморазвития.

Перестройка представляла собой запоздалую попытку вывести страну из социального кризиса, преодолеть тотальное отчуждение человека, не меняя радикально отношений собственности, типа общества. Начав с позднейших исторических пластов отчуждения, она забуксовала, а затем и вовсе заглохла перед самым фундаментальным пластом - отчуждением производства от потребностей населения. Возникла патовая ситуация, при которой общество двигалось из одной кризисной ситуации в другую, а в конечном счете - к катастрофе.

Этот объективный факт оставался не измерен эмпирически и не осмыслен теоретически. Возникла настоятельная потребность в комплексе исследований совершающегося на наших глазах кризиса: исследований экономических, социологических, политологических, социально-психологических, исторических и иных. Осознав эту потребность, автор и его коллеги инициировали в 1989 г. проведение теоретико-эмпирического мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» на базе полевых всероссийских обследований с периодичностью одно обследование в четыре года (о его методологии и методике см. [12]).

Кризисный социум...

Рисунок 1. Сопряженные циклы эволюции, или «восьмерка блужданий» постсоветской России

Первое полевое обследование (интервью с респондентами) проводилось в середине 1990 г. Оно позволило зафиксировать первые две стадии кризиса: дестабилизационную стадию, характерную в целом для российского общества, и остроконфликтную стадию в нескольких «горячих точках» социальной напряженности (массовые забастовки, столкновения с органами власти). По структуре очень беспокоящих людей проблем дестабилизационная стадия плавно превращалась в остроконфликтную. Повсеместный дефицит продуктов и товаров повседневного пользования подрывал сами основы жизни. Жизнью в целом были недовольны 55 % опрошенных - эта цифра тогда воспринималась аналитиками как неожиданно высокая.

Одним из индикаторов перерастания кризиса в остроконфликтную стадию можно считать отмеченный уже в 1990 г. рост значимости двух весьма разнородных проблем: телесно-кровавой (рост преступности) и духовной (качество школьного образования). Повторное исследование 1994 г. подтвердило сделанные ранее выводы о социокультурной природе и патологическом характере кризиса, а также о его вступлении в остроконфликтную стадию. Оно выявило две очень важные особенности этого кризиса применительно к России. Во-первых, распад СССР оказался для России внезапным, необоснованным и несправедливым сужением ее исторических границ, обвальной «деколонизацией», перечеркивающей пятивековую историю колонизации; для индивидов социокультурный кризис выступает прежде всего как кризис идентичности со своей страной. Во-вторых, современное российское общество оказалось одновременно и кризисным, и реформируемым - это кризисно-реформируемое общество. Инициаторы реформ обещали населению, что реформы быстро, в течение одного-двух лет, выведут страну из кризиса. Но этого не произошло, в 1992-1994 гг. кризис продолжал расширяться и обостряться, сохранился он и в 1995 г. Реформы воз-

действовали на кризис, но не так, как ожидалось: они долго способствовали его расширению и обострению, а не разрешению. Со своей стороны, кризис негативно влиял на реформы, вызывая непредвиденные их последствия. Словом, взаимодействуя, кризис и реформы искажали динамику друг друга, что вело к неожиданным результатам. На российской почве кризис превратился в социальную перепутицу, где разные пути-дороги спутываются, образуют сопряженные круги блужданий постсоветской России между либерализацией и рецидивирующей традиционализацией.

Накануне распада СССР возникли два сопряженных цикла эволюции нашего общества: цикл как область социокультурной либерализации, означающей движение по пути демократии, с соблюдением законности, и цикл как область рецидивирующей традиционализации, для которой характерно восстановление той или иной формы тоталитаризма (вначале, возможно, авторитаризма), утверждение вседозволенности, мотивируемой соображениями практической целесообразности.

Как видно на рис. 1, эта «восьмерка блужданий» построена на двух осях, каждая из которых представляет собой пару противоположно направленных векторов: ось «демократия-тоталитаризм» и ось «законность-вседозволенность». Одновременно действует еще одна, как бы теневая пара осей-векторов: ось «федерализация-суверенизация» субъектов федерации и ось «целостность-раздробленность» культурно-этнических регионов страны.

Почему именно блужданий, а не ритмичных колебаний маятника? Дело в том, что на пересечении двух пар осей возникла *хаотическая область* как некоторое множество возможностей (не обязательно альтернативных), или «точек бифуркации», для реализации которых достаточно слабого воздействия случайных факторов. Не заранее известные колебания маятника, а спонтанные переходы с орбиты одного цикла на орбиту другого - вот что мы наблюдаем в эволюции постсоветской России.

Это не абстрактная схема, а повседневная российская реальность. Анализ исторического опыта показывает, что с 1989 г. до конца 1991 г. российское общество совершило первый виток по «восьмерке блужданий». Под воздействием демократических сил в 1989 г. началась радикальная демократическая реформа, общество стало быстро двигаться по пути социокультурной либерализации (на рисунке - правый верхний цикл). Но уже в первой половине 1991 г. консерваторам удалось столкнуть это движение на орбиту рецидивирующей традиционализации (левый нижний цикл), что привело к катастрофе СССР.

В 1992 г., располагая максимальным доверием народа, президент и правительство суверенной России предприняли «шоковую терапию» прежнего экономического уклада, и начался второй виток движения по орбите социокультурной либерализации. Однако результаты «шока» противопоставили власть «демократов» народу. В 1993 г. «демократы» сами соскользнули на орбиту реставрационного цикла, завершив это сальто-мортале жестким выбором в сентябре-октябре того же года в пользу политически целесообразной вседозволенности. К счастью, демократическая система не рухнула полностью, а стала пересоздаваться в иную, полу президентскую форму правления.

С принятием новой Конституции и выборами парламента России (декабрь 1993 г.) начался третий виток российских блужданий между либерализацией и традиционализацией. В первой половине 1994 г. наблюдалось постепенное воз-

Кризисный социум...

вращение к либерализации. Однако вскоре вновь усилилась тенденция вседозволенности, она достигла пика во время чеченского кризиса (зима 1994-1995 гг.), а затем обозначился возврат к либеральной орбите. Возникла возможность стабилизировать его движение на этой орбите. Результаты президентских выборов 1996 г. и 2000 г. показали, что россияне использовали эту возможность, и движение по либеральной орбите сохранилось. Но не исчезла и возможность рецидивов традиционализма.

Кроме того, весьма существенное значение имеет отмеченный выше кризис идентичности как особенность кризиса российского общества. Эта ситуация отображена на рис. 1 в виде перекрестка двух пунктирных осей. Ось «Бета» означает альтернативу идентичности страны как социокультурной общности: целостность России, идентичность ее граждан с этим целым или ее территориальная раздробленность, утрата гражданской идентичности. Ось «Альфа» означает альтернативу политических средств решения Проблемы социокультурной идентичности: различные формы федерализации территориально-государственного устройства или суверенизация территорий по национальному и иным признакам.

Динамика кризиса в этой его плоскости также обнаруживает определенную цикличность. На примере действий чеченских сепаратистов видно, что отсутствие адекватного отпора лишь попустительствует их активизации. Если отсчет начала их действий вести лишь с 1991 г., то менее чем за 10 лет пройдены два витка цикла с резкими обострениями, большими человеческими жертвами и материальными разрушениями.

Обе особенности кризиса взаимодействуют между собой, специфические особенности их орбит накладываются друг на друга. В совокупности они имеют тенденцию взаимного обострения. В итоге социокультурный кризис расширялся и углублялся. Это консервировало его патологический характер: не обретая механизма саморазрешения, он получил дополнительный механизм обострения и самоподдержания.

Таким образом, нет предзаданности путей эволюции общества. В 1989-1999 гг. российское общество трижды прошло через хаотическую область и в целом тяготеет к ней. Изменения характеризовались неустойчивостью, обратимостью процессов и обострениями их режимов в скоплениях точек бифуркации. Однако именно здесь существует множество возможностей выбора того или иного пути.

Раннелиберальная трансформация в информационную эпоху

В чем же стратегический смысл выбора между различными вариантами действий, повседневного поведения, перед которыми оказывается каждый россиянин? В чем глубинный смысл того выбора, перед которым ныне находится вся наша страна? Как мне представляется, по сути своей это *социокультурный выбор*: будет ли большое асимметричное евразийское общество и дальше спонтанно блуждать между модернизациями сверху и рецидивирующими традиционализациями или же оно осознанно завершит стадию ранней либерализации, начавшуюся в середине XIX в. и прерванную в 1917 г. Этот выбор стоит перед всеми субъектами социокультурного действия, и не просто стоит, а требует решения, от ко-

того никто не в силах уклониться; уклонение есть один из вариантов участия в решении проблемы.

Для каждого россиянина это такой выбор: уже сейчас, здесь и теперь самому обустроить свою жизнь по собственному усмотрению (разумеется, не препятствуя другим делать то же самое) или же по-прежнему позволять органам государства, безличным институтам решать за граждан их жизненные вопросы.

Для каждой организации, группы, общности это такой выбор: утвердить себя как структурную единицу социума со своими специфическими целями и функциями или же упустить такую возможность и уступить потенциальное социокультурное пространство соперникам.

Для российского общества в целом, прежде всего для государственных органов федерального уровня, это такой выбор: использовать открывшуюся возможность завершения ранней либерализации, когда индивид становится равноправным субъектом во взаимоотношениях с государственными властями, или же упустить этот исторический шанс своего развития на рубеже XX-XXI вв., когда наиболее развитые страны мира уже вступили в стадию зрелой либерализации и наращивают темпы своего движения в этом направлении, активно используя возможности, открываемые информационной эпохой в развитии человечества.

Как видим, на каждом уровне - свои ориентиры. Они частично совместимы, но во многом противоречивы. Как противоречивы процессы социокультурной трансформации российского общества в 1990-е годы, прежде всего метаморфозы тотального отчуждения человека.

Драматичной оказалась судьба исходного его слоя - *отчуждения от власти*. Насаждавшееся всеми прежними режимами выключение масс *подданных* из политической жизни сменилось лишь формальным их включением через институты парламентаризма, многопартийности и т. п. По сути, отчуждение, навязывавшееся извне, сменилось самоотчуждением населения от повседневного участия в политике и самоотчуждением демократических институтов власти от повседневного взаимодействия с населением. Возникли два непересекающихся и вполне удовлетворенных этим круга политического самоотчуждения: круг властвующих верхов и круг безразличных к власти низов.

Это случилось вопреки ожиданиям тех и других. Особенно впечатляет катастрофическое падение доверия к основным политическим институтам страны. В 1990 г. недоверие 50-60 % респондентов коммунистической партии, советскому правительству, милиции и судам, казненным профсоюзам и комсомолу воспринималось как мощный протест против структур тоталитарной власти. Но в 1994 г. мы констатировали возросшее до 60-80 % недоверие демократическим институтам. Доверие Б.Н. Ельцину как президенту упало за четыре года с 72,6% до 26,9 %, а еще через четыре года - до 1-2 %.

Имеется много причин массового недоверия россиян политическим институтам страны. Среди них к наиболее существенным относится замкнутость властей на собственных интересах. С другой стороны, граждане бессильны влиять на власть: «Такие люди, как я, не могут влиять на деятельность властей», - считали 65 % респондентов в 1990 г. и 81 % - в 1994 г. Одновременно резко снизилась поддержка демонстраций, забастовок, других форм социального протеста.

Все это свидетельствует о формально-демократическом, квази-демократическом характере новых политических институтов России в первой половине

Кризисный социум...

1990-х годов. Судьба отчуждения большинства россиян от власти связана с глубиной и темпами восстановления их собственной активности как граждан.

Процессы *возвращения индивидами себе своей собственной активности*, ее интернализации в себя затронули к середине 1990-х годов лишь наружные, феноменные слои деятельности. Это хорошо видно на примере воссоздания частной собственности на предметы, средства, результаты труда.

К весне 1994 г. около 80 % респондентов оказались так или иначе включены в процесс приватизации. Прежде всего горожане уже в 1992 г. получили возможность приватизировать подаренные им государственные квартиры - самое ценное приобретение рядовых граждан, полученное благодаря новым властям. Вслед за этим многие граждане поверили и в реальность приватизационных чеков: по нашим данным, 13 % обменяли чеки на акции своего предприятия, 15 %- на акции другой фирмы, 37 % - на акции инвестиционного фонда, 15 % продали чеки за деньги, 17 % на момент опроса еще не решили, как поступить, остальные не получали чеки или уклонились от ответа. Многие верили, что в результате приватизации они будут получать какие-то дивиденды от акций и иных ценных бумаг. Но личный опыт получения дивидендов к тому времени имели менее 5 % респондентов. Вскоре подавляющее большинство россиян убедились, что власти вновь их обманули!

Тем не менее, процесс возвращения активности продолжился. По нашим данным, в 1998 г. уже около 44 % самодеятельного населения работали на свой страх и риск на предприятиях, являвшихся их индивидуальной собственностью, или были заняты индивидуальной деятельностью; для одного из каждых пяти таких занятых эта работа была основной, а для четырех - дополнительной. Всего же в различных частных предприятиях и хозяйствах, включая акционерные и смешанные, были заняты около 55 % занятых на основной работе и еще около 45 % - на дополнительной. На государственных же предприятиях, включая бюджетные организации, продолжали трудиться около 45 %. Это распределение близко желаемому: в частных предприятиях желали бы работать около 54 % на основной работе и еще около 68 % на дополнительной; а на государственных предприятиях - около 40 % на основной работе и 7,4 % на дополнительной. В целом доля желающих иметь дополнительную работу превышает фактическую.

Такого рода ориентации свидетельствуют о возвращении у значительной части россиян интереса к трудовой деятельности как *своему делу*. При этом центр активности сдвигается к решению проблем собственной жизни людей и улучшению дел в своей трудовой организации.

С началом обвального роста цен (с января 1992 г.) резко обострилось *отчуждение от результатов труда*; с середины 1993 г. оно стало смягчаться, а к весне 1994 г. вернулось к количественным параметрам, близким середине 1990 г. Но качественно оно стало иным: благодаря той же либерализации цен россияне оказались связаны с результатами своего труда не столько через низкую зарплату по основной работе (прежде, как правило, единственной), сколько через множественные источники доходов. И хотя доходы у большинства невелики, термин *доход* вошел в жизнь населения постсоветской России. Вместе с ним началось соприкосновение граждан с результатами своего труда. Но оно только началось и сразу же столкнулось с сопротивлением новых чиновников от власти и новой мафии, рвущейся к власти.

К тому времени резко возросло *новое, криминогенное отчуждение*, возникшее из-за личной незащищенности от хулиганских групп и от организованной преступности. В целом проблема преступности беспокоила в 1990 г. 74 % респондентов, в 1994 г. - уже 96 %, в 1998 г. - 83 %. Не случайно ценность законности как социального порядка, в том числе правопорядка, устойчиво заняла высшее место в ряду базовых ценностей россиян.

Таким образом, начавшись в 1989-1990 гг., остроконфликтная стадия кризиса превратилась в затяжную - по причине патологического характера кризиса. Но не началась ли во второй половине 1990-х годов третья, разрешающая стадия? И какой она может быть?

Самый пессимистичный вариант: продолжается конфликтная стадия, ее результатом станет новая катастрофа, распад России вслед за СССР. Такая угроза витала в 1992-1993 гг., но тогда чаша сия миновала нашу страну, что не исключает возобновления угрозы. Второй, оптимистичный вариант: возможно преодоление патологического характера кризиса благодаря возникновению внутренних механизмов выхода из него. Но это очень трудная задача. Она может решаться одновременно или последовательно по нескольким направлениям, путем формирования «кризисо-разрешающих механизмов» в различных областях жизни общества - политической, экономической, духовной, нравственной и др.

Некоторые элементы возникновения таких механизмов наблюдались в 1994-1995 гг. Прежде всего это утвержденные референдумом принципиальные нормы Конституции Российской Федерации (России): о правах человека, о разделении властей и др. Конечно, беда в том, что они плохо реализуются; но все же выборы нового состава Государственной думы, очередные выборы Президента страны, руководителей субъектов Федерации состоялись в 1995-1996 гг. в срок, хотя многие не верили в такую возможность. К требуемым механизмам относятся и постепенное снижение инфляции, и относительная стабилизация валютного курса рубля.

Последующие четыре года (1997-2000 гг.) принесли новые обострения экономической (дефолт в августе 1998 г.) и политической ситуации (с 1999 г. вторая война в Чечне). Одновременно закрепились начальные признаки стабилизации российского общества: состоялись в срок очередные выборы в Государственную думу, а выборы Президента - досрочно, но в соответствии с Основным Законом; сверх того, улучшается взаимодействие исполнительной и законодательной ветвей власти, второй год продолжается рост производства, хотя и очень медленный.

Результаты нашего исследования 1998 г. не позволяют однозначно ответить на вопрос о том, завершилась ли вторая стадия кризиса. Прежде всего потому, что в основном сохраняется прежняя структура и острота проблем, беспокоящих россиян. Еще более снизилось доверие государственным и общественным институтам, в том числе финансовым.

Что касается экономических реформ, то число россиян, убежденных в том, что реформы начинать было необходимо, увеличилось в первой половине 1990-х годов с 47 % до 66 %. «Пусть высокие цены, но много товаров» - так ответили 62 % опрошенных, но 22 % высказались за противоположную ситуацию, когда мало товаров, но низкие цены. И во второй половине десятилетия (до августа 1998 г.), по данным ВЦИОМ, доля населения, поддерживающего экономические реформы, не намного, но устойчиво превышала долю их противников: 29-35 %

Кризисный социум...

«за» и 26-30 % «против». Затем, под воздействием финансового краха, картина изменилась на противоположную (28-33 % «против» и 25-26 % «за») и оставалась такой в течение года. С сентября 1999 г., после назначения В.В. Путина главой правительства, доля сторонников реформ вновь превысила долю их противников (31,7 % «за» и 27,8 % «против») [13, с. 55]. При этом число сторонников реформ с 1992 г. прямо пропорционально образованию и обратно пропорционально возрасту россиян, а среди противников реформ наблюдаются обратные зависимости. По отношению к типу ситуации на товарном рынке население делится на три не совсем равные группы: одни предпочитают ситуацию «пусть высокие цены, но много товаров» (38,6 %), другие - противоположную: «пусть мало товаров, но низкие цены» (31,2 %), третьи все еще «не знают» или отказываются отвечать на такой вопрос (30,2 %).

По-видимому, сам факт длительного баланса «рейтинга» экономических реформ в общественном сознании указывает на наличие плавного перехода от тяжелой конфликтной стадии кризиса к заключительной, стабилизационно-разрешающей стадии. Более того, если учитывать различие между терминами стабилизация и *стабильность* (в первом случае речь идет *еще* о переходе от конфликтной стадии кризиса к стабильной стадии после кризиса, а во втором - *уже* о послекризисной стадии), то с некоторой осторожностью можно сказать, что к концу 1990-х годов российское общество вступило в стабилизационную стадию кризиса.

Если это так, то возникает вопрос о характере наступающей стабилизации: открывает ли она путь к завершению ранней либерализации или же мостит дорогу новой рецидивирующей традиционализации?

Возможны оба исхода. Инерция исторического опыта уныло нашептывает преобладающую вероятность традиционалистского рецидива. Многими этот шепот воспринимается как мудрость, воспринявшая тысячелетние ритмы российской истории. Но есть и опыт начавшейся полтора столетия назад ранней либерализации. Он был прерван, но не исчез и ныне возобновился, пусть трудно и в превращенных формах. Имеет ли он опору в современной российской культуре, а также в тенденциях современной эпохи человечества?

Глубинными регуляторами человеческих действий являются, в конечном счете, потребности и ценности. Их роль особенно значительна в условиях социокультурного кризиса, когда общество оказалось в хаотической области своей динамики. Согласно представлениям синергетики, хаос на микроуровне служит необходимым элементом саморазвития системы, поскольку выводит ее на аттрактор, то есть на такую структуру, которая как бы притягивает систему к ее будущему, формирует его из наличного ее состояния [14, с. 27-28]. На наш взгляд, роль таких структур-аттракторов выполняют в обществе прежде всего ценности как обобщенные цели и средства их достижения. Точнее, новые их структуры, формирующиеся в условиях кризиса.

Мы предполагаем: *в условиях патологического социокультурного кризиса возрастает вероятность того, что именно ценности принимают на себя функции аттракторов (как бы встроенных магнитов), одни из которых удерживают общество вблизи хаотической области, а другие влекут его из этой опасной зоны на орбиту устойчивого движения к новому социокультурному балансу. Это верно в отношении как социально-политических, так и экономических процессов.*

Такова основная гипотеза нашего эмпирического исследования. Ее можно назвать гипотезой о ценностях как аттракторах выбора, делаемого индивидами,

общностями, обществом. Речь идет о наиболее общих, *базовых ценностях*, составляющих основание ценностного сознания людей и подспудно влияющих на их поступки в различных областях их жизни. Их сравнительно немного: полтора-два десятка.

Опираясь на опыт зарубежных и российских исследований [15; 16, с. 47-52; 17, с. 129-134] и собственные пилотажные разработки, авторы данного мониторинга [18] выделили в качестве предмета изучения 14 базовых ценностей, включающих 7 терминальных и 7 инструментальных ценностей и выражаемых через ценностные понятия. Ниже дается краткая их характеристика.

Терминальные ценности: жизнь человека как высшая ценность, самооценочность; свобода в современном, либеральном значении этого понятия как «свободы для...» реализации социально позитивных потребностей и способностей индивида; *нравственность* как качество поведения человека в соответствии с общечеловеческими морально-этическими нормами; *общение* в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь; *семья*, личное счастье, продолжение рода; *работа* как самоценный смысл жизни и как средство для заработка; *благополучие* - доходы, комфорт своей жизни, здоровье.

Инструментальные ценности: инициативность, предприимчивость, способность выразить себя, выделиться; *традиционность* - уважение к традициям, жить как все, зависимость от окружающих обстоятельств; *независимость*, способность быть индивидуальностью, жить по своим критериям; *самопожертвование* как готовность помогать другим, даже в ущерб себе; *власть* - способность оказывать влияние на других, иметь власть над ними, конкурировать и добиваться успеха, победы; *порядок* как соответствующее закону и обеспечиваемое государством состояние общественных отношений, при котором обеспечены безопасность индивида, равноправность его отношений с другими; *вольность* как архаичная «свобода от...» ограничений волеизъявлению индивида, тяготеющая к вседозволенности.

Приведенный перечень ценностей удовлетворяет нескольким критериям и позволяет рассматривать исследуемые ценности с учетом различных типологических оснований: это наиболее общие, базовые ценности; они представляют терминальный и инструментальный типы; их можно соотнести с тем или иным социокультурным типом общества и с потребностями индивидов; они также позволяют зафиксировать изменения в статусно-иерархической структуре ценностного сознания, в ролевых функциях различных ценностей.

Эмпирические исследования данной совокупности ценностей, или ценностных *понятий*, стали возможны благодаря операционализации каждого понятия в виде ценностных *суждений*, с помощью которых фиксируются конкретные аспекты ценностного сознания в его поведенческом аспекте. Всего респондентам были предложены (в форме интервью) 44 ценностных суждения. Их формулировки остаются без изменений во всех мониторинговых исследованиях.

Базовые ценности формируются на этапе первичной социализации индивида, к 18-20 годам, а затем остаются достаточно стабильными. Но в кризисные периоды жизни человека и общества они претерпевают существенные изменения. Эти изменения затрагивают не столько состав, сколько структуру ценностей, т. е. их иерархические соотношения друг с другом в индивидуальном, групповом и общественном сознании: одни ценности получают более высокий статус или ранг, другие становятся менее значимыми. В этом выражается транс-

Кризисный социум...**Таблица 1** Структура и динамика ценностей населения России в 90-е годы

Июль 1990 г.			Март 1994 г.			Июнь 1998 г.		
Ранг	Ценность	%	Ранг	Ценность	%	Ранг	Ценность	%
Интегрирующее ядро (свыше 55,0 %)								
1	Порядок	65,3	1	Порядок	74,8	1	Порядок	69,4
2	Семья	61,0	2	Семья	69,3	2	Семья	66,8
3	Общение	57,3	3	Общение	67,7	3	Общение	62,2
Интегрирующий резерв (45,0-55,0 %)								
4	Нравственность	48,3	4	Свобода	56,1	4	Свобода	48,8
5	Свобода	46,1	5	Независимость	49,8	5	Независимость	48,7
6	Жизнь	45,8	6	Нравственность	46,7	6	Благополучие	48,3
			7	Работа	45,3	7	Жизнь	47,5
						8	Нравственность	47,0
Оппонирующий дифференциал (30,0-44,9 %)								
7	Работа	43,9	8	Жизнь	44,1	9	Традиционность	44,1
8	Самопожертв.	43,5	9	Инициативность	40,0	10	Инициативность	39,1
9	Традиционность	41,0	10	Традицион-сть	37,1	11	Самопожертв.	38,8
10	Независимость	40,0	11	Благополучие	36,2	12	Работа	38,0
11	Инициативность	36,2	12	Самопожер-е	34,5			
12	Благополучие	30,0						
Конфликтогенная периферия (менее 30,0 %)								
13	Вольность	23,3	13	Вольность	24,7	13	Вольность	21,7
14	Власть	17,4	14	Власть	22,3	14	Власть	17,1

формация их социокультурного смысла для индивидов и других социальных субъектов.

Каковы же тенденции изменений структуры базовых ценностей россиян в драматичные 1990-е годы? Данные нашего мониторинга (исследования 1990-1994-1998 гг.) свидетельствуют прежде всего об *определенной устойчивости отношения россиян к базовым ценностям*, выражаемым через соответствующие ценностные суждения. Поразительно, но факт, что несмотря на потрясения, через которые прошел каждый россиянин в 1991-1998 гг., принципиальное отношение к этим суждениям - согласие или несогласие с ними, одобрение или отрицание их ценностного содержания - осталось почти неизменным!

Кризис ценностного сознания вовсе не означает, как это нередко считают, крушения всех прежних ценностей россиян. Отнюдь! Базовые ценности сохраняются как раз потому, что выражают фундаментальные, общечеловеческие ориентиры и нормы поведения. И в сознании россиян они глубоко укоренены - были, остаются и пребудут с нами.

В другое время и в другой стране, но тоже в кризисной ситуации Х. Ортега-и-Гассет отметил: *«Ценности культуры не погибли, однако они стали другими по своему рангу. В любой перспективе появление нового элемента влечет за собой перетасовку всех остальных элементов иерархии»* ([19, с. 206], курсив мой).

В течение всех бурных 90-х годов сохраняется общая структура ценностей, включающая четыре их группы: интегрирующее ядро, интегрирующий резерв, оппонирующий дифференциал, конфликтогенную периферию. Из табл. 1 видно, что края этого ценностного пространства (ядро и периферия) устойчивы, а промежуточные поля (резерв и дифференциал) подвижны.

Ядро, интегрирующее всех членов общества, образуют три универсальные ценности: порядок в обществе, семья и общение - их одобряют 60-75 % населения. Это и понятно: в кризисном социуме настоятельна потребность в порядке, а семья и общение служат надежным пристанищем от общественных потрясений.

С ядром соседствует интегрирующий резерв, который образуют ценности либерального и общечеловеческого характера: свобода, независимость, жизнь человека; с ними соседствуют общечеловеческие ценности - нравственность, работа. Вся эта группа ценностей находится как бы на экваторе распространенности базовых ценностей: их одобряли в 1990 г. 46-56 %, а в 1998 г. - 47-49 % россиян, т. е. эта группа занимает промежуточное положение между доминирующими и оппозиционными ценностями. Поэтому одновременно она может взаимодействовать и с оппозиционными ценностями, пополняясь за их счет или, в свою очередь, пополняя их.

Собственно оппозиционные ценности (30-44 % в 1990 г., 38-44 % в 1994 г.) все являются инструментальными, но различаются по социокультурному смыслу: инициативность - либеральная ценность, а традиционность и самопожертвование - традиционные. Консолидируя своих сторонников, те и другие ценности обособляют их от остального населения, т. е. от большинства. Поэтому данную группу ценностей можно определить как бикультурный инструментальный дифференциал.

Наконец, ценности явного меньшинства (в течение всего периода - в интервале 18-25 % одобрявших) образуют конфликтогенную периферию. Ее составляют традиционалистская вольность и универсальная власть. Это столь же стабильная по составу группа, как и ядро. Но, в противоположность интегративной функции ядра, периферия является постоянным источником конфликтов во всей структуре ценностей россиян.

Что можно сказать о тенденциях изменений всей этой структуры ценностей? Прежде всего, за короткий отрезок времени произошла заметная ее *либерализация*. На 8-10 % повысилась распространенность таких ценностей современного общества как свобода, независимость, инициативность. Одновременно снизилась распространенность таких ценностей традиционного общества как самопожертвование, следование традициям, вольность.

Можно предположить, что в ближней перспективе сохранится направление наблюдаемых изменений. Скорее всего, «ядро» останется в том же составе, но резервные ценности свободы и независимости приблизятся к нему. Инициативность может подняться к модернистскому резерву, а самопожертвование, напротив, сблизиться с «периферией».

Существенным аспектом либерализации характера ценностей служит *рационализация смыслов* жизнедеятельности россиян. Еще пять лет назад большинство связывало решение своих жизненных проблем прежде всего с деятельностью властей - правительства, директора предприятия и т. д. Свою же роль в решении собственных проблем видели примерно на четвертом-пятом месте. В 1994 г. уже около 55 %, а в 1998 г. - около 66 % респондентов надеялись прежде всего на самих себя и во вторую очередь - на общероссийскую и иные власти. Можно воз-

Кризисный социум...

разить: это потому, что власти стали безразличны к человеку. Да, во многом это так. Но верно и то, что объективно индивид оказался в положении, побуждающем его действовать самостоятельно, отказываясь от прежних мифов в пользу рациональных аргументов. Это и есть один из ключевых признаков движения к либеральному обществу.

Третий важный аспект динамики ценностей россиян составляет переход от прежней, идеологизированной моносистемы ценностей к иной, естественно-плюральной системе, *плюрализация* их ценностных позиций. Уже на первой, дестабилизационной стадии кризиса были зафиксированы четыре макропозиции, включающие 11 элементарных позиций. На второй, остроконфликтной стадии наиболее крупная макропозиция (повседневный гуманизм) начала расщепляться на три аспекта, а число элементарных позиций возросло до 14. На этапе перехода к третьей, стабилизационной стадии кризиса гуманизм расщепился на пять позиций, а элементарных позиций стало 15.

При этом произошло выравнивание весов различных факторов: коэффициент различия весов между крайними факторами сократился с 6,04 до 1,76. Следовательно, плюрализация ценностных позиций не только достигла некоторого количественного предела, но и сопровождалась *размыванием доминирующих позиций*, достижением относительной равновесности каждой позиции, совокупность которых образует базовое ценностное пространство жизни россиян. Произошла своего рода демократизация статусов ценностных позиций. Это значит, что в российском обществе возникла духовная атмосфера, гораздо более благоприятная, чем прежде, для осуществления каждым гражданином своего ценностного выбора: ныне имеется много вариантов ценностных позиций и ни один из них не является абсолютно доминирующим, не тяготеет над индивидуальным сознанием как идеологический пресс: либо ты с большинством, либо против него. Но это и усложняет для индивида ситуацию ценностного выбора, повышает требования к его рефлексии относительно своей позиции и своих предпочтений.

Подобное положение является одной из важнейших характеристик происходящей в российском обществе социокультурной либерализации. Ее возникновение можно расценивать и как одно из свидетельств перехода социокультурного кризиса в третью, разрешающую стадию, поскольку исчезает предпосылка массовых ценностных конфликтов.

Это произошло прежде всего путем дальнейшей *дифференциации гуманистической макропозиции*: из постоянно пропагандируемого и самодовлеющего идеологического конструкта повседневный гуманизм (1990 г.) уже к 1994 г. трансформировался в либеральный гуманизм как прагматичный ориентир, работающий в составе целой группы гуманистически ориентированных ценностных позиций. Затем его дифференциация продолжилась. Если в 1994 г. можно было говорить о трех гранях либерального гуманизма, то в 1998 г. налицо уже пять относительно самостоятельных позиций/факторов, каждая из которых вобрала в себя отдельные аспекты гуманистической позиции: патерналистский гуманизм, гуманный традиционализм, гуманный либерализм, наивный гуманизм, эстетичный гуманизм. Эти пять позиций имеют совокупный вес 19,5, что составляет около 33 % ценностного пространства, образуемого 15 позициями/факторами.

Видимо, дифференциация гуманистических позиций достигла некоторого предела, как и дробление самих условий жизни, не позволяющих большинству людей ставить и решать комплексные задачи. Возможно, через некоторое время

начнется новая «сборка» или консолидация ценностных позиций россиян и их жизненных условий. Пока что, однако, наблюдается высокая их дробность.

Вторая макропозиция - *потребительский конформизм* - в целом выполняла дифференцирующую функцию, притягивая к себе ту часть населения, которая в большей степени была в плену советского образа жизни и предпочитала оставаться «под колпаком» государственного патернализма. При этом уже в 1990 г. она имела промежуточный характер, а к 1994 г. распалась на конформистский эгалитаризм и потребительский индивидуализм. К 1998 г. конформизм обрел новые, более активные черты и трансформировался в рационально-активный, приходящий на смену прежнему, потребителскому, и занимающий 18 % анализируемого ценностного пространства.

Еще более резко меняется облик третьей макропозиции - предприимчивого нонконформизма. На первых двух стадиях кризиса его основу составляла элементарная позиция цивилизованной предприимчивости. К 1998 г. эта ключевая ценность утрачивает свое влияние; на первый план выходят позиции/факторы индивидуализма: от обыденных до явно персоналистичных. Прежде всего это прагматичный индивидуализм, ориентированный на свое благополучие, здоровье и вообще жизнь для себя. Его дополняет либеральный индивидуализм, который означает, что человек полностью конструирует сам себя: сам себя создал, сам обеспечивает свою безопасность, сам решает, в какой стране ему лучше жить, - словом, либерально-модернистский набор ценностей. Далее следует более персоналистичная позиция, центрированная на яркой, не похожей на остальных личности, занятой самовыражением и мало считающейся с внешними условиями. Ей сродни позиция/фактор активного индивидуализма, полагающего, что человек по природе зол и бороться надо до победы над оппонентами. А на самом крайнем фланге, несколько особняком сформировалась криминогенная позиция вседозволенности. Но об этом - ниже.

Как видим, расцвел букет позиций индивидуалистической ориентации, который затмил позицию предприимчивого нонконформизма, возникшую в 1990-1994 гг. Вытеснившая ее макропозиция индивидуализма уже охватила в совокупности 42 % изучаемого ценностного пространства.

Есть основания заключить: *ныне ценностное сознание россиян находится отнюдь не в начале, а примерно в середине движения к либеральной системе ценностей или уже во второй половине этого пути. Такова главная тенденция-аттрактор, втягивающая российское общество в завершение его ранней либерализации.*

Этот вывод о месте России в социокультурном пространстве Европы, современной цивилизации в целом коррелирует с результатами других (правда, весьма немногочисленных) социологических исследований по сходной проблематике. Так, по данным Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, Россия нормально вписана в европейский социокультурный процесс и, сохраняя свою специфику, находится по соседству с Италией [20, с. 4-19]. По результатам Института сравнительных исследований, Россия по критерию материалистичности/ постматериалистичности сознания населения является наиболее материалистичной среди 17 европейских стран (ее индекс = 3,4), но при этом не наблюдается значительного ее отрыва от других стран: она находится вблизи Австрии (3,6) и Греции (4,1) [21, с. 73-81].

Значимый аргумент в пользу вполне европейского характера российской культуры содержат результаты демографических исследований: выясняется, что

Кризисный социум...

во второй половине XX в. Россия, вместе со многими странами Запада (такими как Германия, Испания, Италия, Франция, США) пережила аналогичное им падение рождаемости («модернизацию рождаемости») и по ее уровню оказалась в одном ряду с ними [22]. А демографическое поведение населения - надежный показатель характера его культуры.

Это совсем не значит, что либерализация несет с собой только плюсы. Напротив, мы как раз подошли к границе, разделяющей социально-позитивное и социально-негативное ценностные пространства либерализации. Макропозиции и элементарные позиции, существующие на основе *одобряемых* ценностей, дифференцируются от *отрицаемых* ценностей. Последние были в 1990-1994 гг. и остались в 1998 г. представлены одной макропозицией: ее мы по-прежнему характеризуем как «властолюбивый эгоизм».

Основное содержание этой макропозиции составляли в 1990 г. и продолжают составлять две взаимосвязанные инструментальные ценности: «власть» и «вольность»; обе они сопряжены с терминальной ценностью «благополучие», понимаемой в данном случае не только как благоприятные условия жизни, но и как нечто более важное, чем свобода.

Об изменениях, произошедших в 1990-1994-1998 гг., можно судить по эволюции радикально-индивидуалистических позиций, значительной частью входящих в состав властолюбивого эгоизма. Так, прежний экстравертный максимализм, ориентированный на самовыражение и борьбу до победы над оппонентами, предстает теперь как властолюбивая достигательность, как криминогенная вседозволенность, позволяющая себе посягнуть на жизнь другого: «да, при определенных обстоятельствах я сам, по своей воле, могу лишит жизни другого человека, и не спорьте со мной!» В целом радикально-индивидуалистические позиции приобрели более четко выраженный криминогенный характер в сочетании с властолюбием.

Уже в 1990 г. было зафиксировано, что самой острой является альтернатива между нравственностью и политической властью: «спокойная совесть и душевная гармония» или «власть, возможность оказывать влияние на других». Тогда 75 % респондентов высказались в пользу спокойной совести и лишь 8 % - в пользу власти (остальные заняли промежуточную позицию). В 1994 г. это соотношение в принципе сохранилось: 80 % против 16 % (последняя цифра удвоилась за счет уменьшения колеблющихся). В 1998 г. оно стало еще ближе первоначальному: 77,6 % против 11,3 %. Так что соотношение одобряющих спокойную совесть или власть в диапазоне 7,5:1,0 можно считать своего рода аксиологической константой ценностного сознания россиян.

Как видим, по мнению подавляющего большинства россиян, *власть несовместима со спокойной совестью* и душевной гармонией. Это большинство вообще отрицает власть как ценность. Впрочем, такой позиции придерживаются далеко не все. Более того, как видно из приведенных цифр, доля россиян, принимающих ценность власти, немного выросла. Но так же выросла и доля их противников. Уменьшается лишь процент колеблющихся.

Налицо сохранение и обострение нравственно-политической альтернативы, разделяющей большую часть граждан нашего общества. Это проявилось в резком (в несколько раз) падении доверия россиян всем властям и политическим партиям и движениям, что зафиксировано во многих исследованиях, в том числе в нашем. Тот факт, что новые институты власти все более обнаруживали

себя как квазидемократические, означал, что *таковы люди*, действующие в этих институтах. Для многих, оказавшихся у власти, их политический статус стал средством достижения материального сверхблагополучия, для иных - ненасытной потребностью, самоценностью, подчас ослепительной страстью. Подобное *нецивилизованное властолюбие* не терпит конкуренции, противовесов и ограничений, накладываемых демократическим разделением властей, а к населению «этой страны» относится как к наивному электорату, заслуживающему быть обманутым.

Общественная функция такого властолюбия вырождается в возведение тупиков, вынуждающих общество то и дело возвращаться вспять или двигаться зигзагами между либерализацией и традиционализацией. Это властолюбие как раз и оказывается тем аттрактором-стрелочником, который чаще других переводит движение кризисного российского социума с орбиты либерализации на орбиту традиционализации. И если все же наблюдались обратные переходы - на орбиту либерализации, - то это свидетельствует о наличии других ценностей (а также и иных, неценностных факторов, которые здесь не рассматриваются), действующих в противоположном направлении.

Вопрос о соотношении ценностей власти и вольности (по сути, вседозволенности) - один из ключевых и специфических для российского общества. Выше он уже был затронут в контексте традиционалистского отношения российской власти к жителям страны как к подданным, а не гражданам. В современных условиях необходимо включить в этот контекст еще и проблему свободы.

Россияне вернулись из СССР в Россию без веры во власть, но с надеждой на свободу. Из приведенной выше таблицы 1 видны место ценности свободы и ее динамика в структуре ценностей населения России в 90-е годы. В 1990 г. она находилась на пятом месте (в иерархии 14 ценностей); вернее, можно предположить, что за годы перестройки она поднялась на пятое место с какой-то более скромной позиции, которую она занимала, скажем, в 70-е годы. В 1994 г. ее распространенность среди россиян повысилась почти на 8 % и достигла четвертой, высшей позиции в группе ценностей, образующих интегрирующий резерв. К 1998 г. ее распространенность снизилась почти до уровня 1990 г., но ее четвертое место в структуре сохранилось. В конце XX в. около половины россиян высоко ценят свободу и достойны отношения к себе именно как к свободным гражданам своей страны.

Приверженность респондентов свободе зависит прежде всего от их образования. Среди специалистов, т. е. людей, имеющих среднее специальное и высшее образование, на 8-12 % больше полностью согласных с утверждением «Свобода человека - это то, без чего его жизнь теряет смысл», чем среди не имеющих такого образования (всего среди 1100 опрошенных 58,9 % полностью согласны с этим утверждением). Города дают на 10-15 % приверженцев свободы больше, чем села и рабочие поселки. Это также связано с более высокой образованностью горожан.

Как видно из табл. 2, ценность свободы сопряжена ныне у многих с желанием добиться признания, успеха, с большим предпочтением рыночной экономики, но не с богатством как показателем успеха. Те, кто ценят свободу, значительно чаще остальных предпочитают такое государство, которое лучше обеспечивает индивиду свободу, чем безопасность (коэффициент связи $Q = 0,5$). Но в этой связи просматривается скорее дистанцирование от государства, чем его поддержка:

Кризисный социум...

Таблица 2 Сопряженность ценностей «власть», «вседозволенность», «свобода», %

		Власть			Вседозволенность			Q
		Полностью согласен	Полностью не согласен	Всего	Полностью согласен	Полностью не согласен	Всего	
Власть	Полностью согласен				6,6	4,0	12,0	0,49
	Полностью не согласен				20,0	36,0	66,0	
	Всего				34,0	48,0	100,0	
Свобода	Полностью согласен	8,0	42,0	65,0	25,0	27,0	65,0	
	Полностью не согласен	2,0	8,0	12,0	4,0	6,0	11,0	
	Всего	13,0	65,0	100,0	35,0	47,0	100,0	
Q		-0,1			0,19			

почти половина респондентов считают, что о безопасности надо заботиться самому, не надеясь на власти.

Ценность свободы в России до сих пор не находится в сколько-нибудь заметной связи с ценностью власти, а если она и обнаруживается, то скорее с отрицательным знаком ($Q = -0,1$). Корень вопроса в очень низкой позиции власти в ценностном сознании большинства россиян. Если взять ответы на прямой вопрос о ценности власти как таковой («Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других»), то полностью согласны с этим суждением были в 1990, 1994, 1998 гг. в соответственно 7,8 %, 15,8 %, 11,3 % респондентов, т. е. явное меньшинство.

Но это весьма активное меньшинство. Его образуют преимущественно мужчины (их в 1,5 раза больше, чем женщин), до 35 лет, чаще выходцы из деревень и рабочих поселков, с незаконченным средним образованием (21,3 % против 8,3 % с высшим образованием). Их определенно мотивирует стремление добиться признания, успеха ($Q = 0,79$), при этом главный показатель успеха - богатство ($Q = 0,67$); они готовы бороться до полной победы над соперниками ($Q = 0,62$), используя не одобряемые обществом средства. Они склоняются к рыночной экономике, к обеспечивающему свободу государству, но эти их склонности выражены менее отчетливо, чем у ценящих свободу.

Наряду с властью, еще одна ценность (или антиценность) устойчиво занимает в иерархии базовых ценностей одну из самых низких позиций - *вольность*, по сути, вседозволенность. По объективному содержанию это противоположные ценности: власть так или иначе легитимирована в законах и нормах, а вольность означает отсутствие ограничений для субъективного произвола, это ненормированная вседозволенность. Наиболее резко она выражена в нашей методике в виде суждения: «Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека». Полностью согласны с этим суждением в 1990 г. 24 % респондентов, в 1994 г. - 27,9 %, в 1998 г. -

31,0 %. Налицо рост готовности оправдать вседозволенность, как бы ни смягчать ее «обстоятельствами», - по крайней мере, стало больше обстоятельств для ее проявления.

Объективные характеристики носителей такой готовности во многом напоминают тех, кто ценит власть: преобладают мужчины, чаще очень юные (15-19 лет) или второго зрелого возраста (45-54 лет), с незаконченным образованием (как средним, так и высшим), проживающие преимущественно в рабочих поселках, малых и средних городах. Они также стремятся к признанию и успеху, включая богатство, еще в большей мере готовы использовать неодобряемые средства, хотя у них менее выражены предпочтения рыночной экономики и желание бороться до победы. Из них свыше 70 % разделяют и ценность свободы, что свидетельствует о неадекватном ее восприятии российскими вольнолюбцами.

Думается, мы имеем дело со специфическим феноменом российской истории, о котором выше было упомянуто и который сохраняется поныне. В ценностном сознании россиян власть сопоставлена с вольностью: первая выступает как самовластие «верхов», а вторая - как вседозволенность «низов»; обе образуют баланс взаимной дополнительности. Отсюда их тесная взаимосвязь: $Q = 0,49$ (табл. 2).

Более того, они в определенной мере совместимы: часть ценящих власть одновременно ценят и вседозволенность. Много ли таких россиян и кто они? Как видно из табл. 2, их доля в общем числе ответивших невелика: всего 6,6 %. Но среди ценящих вседозволенность они составляют 19%, а среди ценящих власть - 54 %. Значит, каждый второй из таких «совместителей» готов использовать власть как возможность легитимировать вседозволенность, т. е. ценят власть как самовластие. Наиболее склонны к совмещению власти и вседозволенности мужчины 25-34 лет, со средним специальным образованием, живущие в рабочих поселках, притом относящие себя к среднему слою и выше среднего.

Они очень четко представляют свои интересы, максимально ориентированы на богатство как главный показатель успеха (85 %) и на использование не одобряемых средств (70 %) для достижения своих целей. Они явно предпочитают рыночную экономику, изобилие товаров при высоких ценах, а также государство, обеспечивающее свободу больше, чем личную безопасность.

Ценности власти и вседозволенности совмещаются в сознании многих россиян и со свободой: соответственно, 8 % и 25 %. Но в целом ценность свободы не обнаруживает значимой связи с властью и вольностью (соответственно, $Q = -0,1$ и $0,19$). Это очень важно, так как позволяет заключить, что **в сознании большинства россиян преодолено отношение к самим себе как к чьим-либо подданным**. Следовательно, несмотря на рецидивы и мистификации традиционализма в России продолжается социокультурная трансформация в русле либерализации.

Вместе с тем, распространена антиценность вольности как вседозволенности, к тому же широко совмещаемая с ценностью власти, которая превращается в самовластие. Именно она служит аксиологической почвой, на которой продолжает произрастать традиционное отношение реальной власти к подвластным как к подданным. **Гражданская свобода большинства россиян оказывается между самовластием и вседозволенностью**. Это не промежуточное, а именно *ограничиваемое* «сверху» и «снизу» положение гражданской свободы. Оно конфликтно в обоих направлениях. Это специфическая конфигурация компонентов властно-регулирующей структуры большого евразийского социума. Данная конфигурация демонстрирует «симметрию тисков», в которой европейский

Кризисный социум...

компонент культуры (свобода) оказался зажат между азиатским самовластием и архаико-варварской вседозволенностью. «Симметрия тисков» оказывается адекватным ответом на фундаментальную асимметрию бикультурного социума, в котором количественно преобладает европейский компонент. Такой ответ сформировался в России на базе традиционализма, опирающегося на азиатско-имперскую государственность верхов и использующего архаичное варварство части низов. Этими опорами он и оградил европейский протолиберализм в России, предоставив ему колебаться между реформами и контрреформами. Сложился и длительно воспроизводился традиционалистский баланс асимметричного социума.

Собственно говоря, именно в процессе либеральной трансформации бикультурного общества его традиционалистский баланс нарушается, а проблема его асимметрии приобретает особую актуальность. Именно это мы и наблюдаем в современном российском обществе.

В настоящее время его базовые функции осуществляются асимметричными структурами: *жизнеобеспечение* - смешанной экономикой, при чрезмерном влиянии олигархического сектора; *интеграция* - переплетением культур западного и восточного типов, при преобладании западной культуры; *дифференциация* - разнородными системами стратификации при неразвитости среднего класса; *властное регулирование* - унитарной федеральной властью при сочетании с многопартийным парламентом, автономией субъектов федерации и либеральными нормами гражданства.

Асимметричны и сами процессы либерализации: конкуренция еще не балансируется кооперацией, самоорганизация - управлением, кризис - становлением порядка и т. п.; даже ближайшее будущее неоднозначно. Достижение либерального социокультурного баланса предполагает такое *искусство управления*, которое избегает соблазнов упрощения, стремится предвидеть и использовать синергетические эффекты взаимодействия социальных субъектов для развития способностей и удовлетворения потребностей всех членов общества, для оптимального осуществления его базовых функций, укрепления его внутренней консолидации и повышения роли в международной интеграции. Все это не позволяет надеяться на быстрое достижение нового баланса. Приходится считаться с поколенческой природой и потому «тяжкой медлительностью» социокультурной трансформации [23].

Тем не менее, по мере выхода страны из системного кризиса различные ветви власти, прежде всего законодательная и судебная, должны будут все более утверждать легитимный порядок в российском обществе и теснить вседозволенность. Постепенно это приведет к сужению пространства последней в действиях самих властей, будет способствовать установлению социокультурного баланса.

Как Э. Дюркгейм в конце XIX в. предвидел распространение органической солидарности во французском обществе, так и мы можем надеяться на завершение ранней либерализации российского общества и продвижение его к зрелой либерализации.

Надежда на продолжение трансформации в этом направлении опирается не только на факторы внутреннего развития России, но и на тенденции эволюции западных стран и на общемировые процессы.

В самом деле, почему Россия в начале XXI в. должна пойти куда-то в сторону от второй стадии социокультурной трансформации - *зрелой либерализации*?

Что неподходящего для России в этой стадии, которая характеризуется переносом центра внимания со структур общества как внешних условий развития человека на самого человека как *homo activus*, на его роль в изменении существующих структур и возникновении новых, на возможности преодолеть грубые формы отчуждения человека?

Это изменение акцента восприняли и стали осмысливать прежде всего представители гуманитарных областей знания - философы, социологи, психологи и др. Возникли целые семейства новых направлений гуманитарных наук, выдвинувшие человека в центр своих исследований. Активные исследования гуманитариев помогали широкой общественности и политическим элитам либерализующихся стран осмыслить сущность социокультурных процессов, совершающихся в этих странах, и выбрать стратегию своих действий.

Зрелая либерализация началась в *Англии* и *США* - примерно в середине 30-х годов XX в., а в тех странах континентальной Европы, которые позднее прошли раннюю стадию, - после второй мировой войны. Лидером зрелой стадии быстро стали США

Молодое американское общество было свободно от досовременных проблем Европы и энергично прошло раннюю стадию либерализации (модернизации), осуществив своеобразный синтез французской и английской революций и превзойдя Англию по уровню индустриализации. После кризиса первой половины 30-х годов XX в. американская экономика отделилась от классической модели рыночной системы и стала подвержена институциональному контролю: государственно-правовому, профсоюзному и др. Значительно расширился спектр профессий наемного труда, включая высокие уровни должностей (менеджеры, администраторы и др.). Доходы сдвинулись от недвижимости в сторону ценных бумаг.

Промышленные успехи возвысили идеал человека, самостоятельно пробившегося на верхние этажи статусно-престижной стратификации. Решающей новацией была революция в образовании: сначала среднее, а затем и высшее образование стало массовым, возник новый способ выравнивания начальных позиций на пути к достижению справедливого положения в обществе, повысилась адаптационная способность членов общества, что особенно важно в условиях информатизации жизни, развернувшейся в последние два-три десятилетия. Эта и другие способности личности все более реализуются через небюрократические организации ассоциативного типа, значение которых растет.

Зрелая либерализация непосредственно связана с новым типом социальной организации, который многие, вслед за Д. Беллом, называют постиндустриальным обществом. В этом обществе деятельность людей связана в первую очередь с обработкой данных, управлением и информацией. Качественно возрастает роль знаний в их отношении к технологии, взаимодействиям людей друг с другом. Большая часть рабочей силы занята в сфере обслуживания; можно сказать, что это - общество, основанное на услугах. Речь идет не о традиционных, вспомогательных по отношению к производству видах деятельности (коммунальные службы, транспорт и т. п.), а о новых видах услуг, таких как образование, здравоохранение, социальные службы, а также о профессиональных услугах типа анализа и планирования, дизайна, программирования и т. д. Расширение постиндустриального сектора требует, чтобы как можно больше людей имели высшее образование, получили навыки абстрактно-концептуального мы-

Кризисный социум...

шления и овладели техническими и буквенно-цифровыми приемами работы с информацией.

Все это вызывает к жизни новые принципы социальной организации и новые ее проблемы. Ключевой категорией социально-профессиональной структуры общества становятся специалисты, а его главным ресурсом - научные кадры. Университет выдвигается в центр социальных институтов постиндустриального общества. Значимую роль приобретает проблема соотношения масштабов экономической деятельности и социальных структур, организации управления. Быстрый рост административно-управленческого комплекса несет с собой опасность чрезмерной концентрации влияния. В число важнейших вырастает проблема глобализации, прежде всего экономики (объединение рынков капитала, валют, товаров и др.). Требуется более совершенное социальное управление и широкое использование экспертных оценок. Растет потребность в более чувствительных средствах «контроля» за социальными изменениями, в развитии процедур, позволяющих прогнозировать будущее [24].

Спустя четверть века после выхода книги Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (1973 г.), на рубеже XX-XXI вв. становятся все более явными существенные характеристики зрелой либерализации. Среди них отчетливо вырисовывается главная ее черта - нарастающая информатизация социокультурных структур и процессов различных стран, человечества в целом. Она удачно схвачена и многосторонне аргументирована в трехтомном труде испанца по происхождению, профессора университета Беркли (Калифорния, США) М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996-1998 гг.). Знаменательны приведенные им в эпиграфе слова Конфуция: «Я просто ухватил одну нить, которая связывает все остальное».

Согласно М. Кастельсу, от способов производства (капитализм, этатизм и др.) следует отличать способы развития: *индустриализм* как такой способ развития, при котором главный источник развития заключается во введении новых источников энергии, и *информационализм*, при котором источник производительности заключается в новых технологиях генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации, т. е. в воздействии знания на само знание. При этом информация понимается как данные, которые были организованы и переданы.

Последняя четверть XX в. характеризуется переходом от индустриализма к информационализму. Решающим фактором этого перехода стала капиталистическая реструктуризация, в результате которой возник информационный капитализм (прежде всего в Северной Америке, Западной Европе, Японии). Странам Азиатско-Тихоокеанского региона удалось совместить свою традиционную сетевую форму экономической организации с новыми информационными технологиями. Советский же этатизм потерпел неудачу в своей перестройке, вплоть до коллапса всей системы. Тем не менее, ныне все общества затронуты информационализмом, а многие из них (в том числе все крупные общества) уже являются информациональными, не утрачивая при этом своей культурной и институциональной специфики.

Фиксируя этот факт, понятие *информационная эпоха* означает не просто количественный рост роли информации в современном мире, а новое качественное ее значение как фундаментального источника производительности и власти. Именно эту специфику выражает термин «информациональное общество» (infor-

mational society, в отличие от information society), указывая на особую форму социальной организации, одной из ключевых черт которой является, например, сетевая логика его базовой структуры [25, с. 36—43].

Согласно М. Кастельсу, такому обществу присуща информационная экономика. В ней автоматизированная обработка информации встроена в материальное производство и в сферу товарно-финансовых операций. На глобальном уровне постоянная архитектура взаимозависимого мира (три основных региона: Северная Америка, Западная Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион) сочетается с изменчивой геометрией рыночно-конкурентных процессов. На микроуровне формируются «сетевые предприятия», происходит индивидуализация трудовых процессов, наблюдается экспансия информационно обогащенных занятий, множатся «сетевые работники».

В сфере культуры осуществляется вторая (после изобретения алфавита 700 лет до н. э.) технологическая трансформация способов коммуникации - формируется и распространяется супертекст и метаязык интерактивных информационных сетей. Впервые в истории в одной и той же системе интегрируются письменные, устные и аудиовизуальные способы человеческой коммуникации. Различные измерения человеческого духа объединяются в новом взаимодействии между обоими полушариями мозга, машинами и социальными контекстами. Классическим образцом новых информационных технологий стал Интернет - всемирная паутина инициативных контактов между пользователями компьютеров, независимая от командных и контрольных центров. Возникает мультимедиа как символическая среда электронных коммуникаций во всех сферах жизни: от дома до работы, от школ до больниц, от развлечений до путешествий; она не противостоит традиционным культурам, а абсорбирует их. Формируется культура реальной виртуальности. Все это фундаментально меняет характер коммуникаций и ведет к трансформации культур.

Более того, изменяются социальные формы пространства и времени. Опыт использования прежних социотехнических структур утвердил представления о *пространстве мест*. На основе нового исторического опыта использования информационных технологий формируется и распространяется новая пространственная логика - *пространство потоков*, т. е. программируемых последовательностей обменов и взаимодействий между позициями социальных акторов. Это пространство включает не менее трех слоев: сеть электронных импульсов, образующих материальную основу процессов; узлы и коммуникационные центры сети; социопро пространственная организация доминирующих менеджерских элит. Одним из воплощений пространства потоков служит феномен «глобального города», осуществляющего комплекс развитых услуг по всей планете (например, совместное господство Нью-Йорка, Токио и Лондона в международных финансах и в большинстве консалтинговых и деловых услуг международного масштаба). По пространственно-поточной логике строится и новое индустриальное пространство, ключевым элементом которого является размещение инновационных производственных комплексов (инновационная среда) [25, гл. 6].

Добавим, что инновационный процесс обретает максимальную эффективность, когда он организуется в качестве *инновационного потока*. Само понятие инновационного потока было предложено и обосновано при анализе результатов проведенного в середине 1980-х годов под руководством автора международного исследования социальных аспектов развития микропроцессорной техники в стра-

Кризисный социум...

нах СЭВ [26]. Десятилетие спустя для конкретизации предмета социальной информатики было предложено понятие *социоинформационное (социоинформатизационное) пространство* [27]. Его можно представить как модификацию понятия *социальное пространство*, введенного еще в 1927 г. П. Сорокиным в контексте исследования проблем социальной стратификации и мобильности: по вертикали (вверх и вниз) и по горизонтали [28]. В последнее время понятие социального пространства разрабатывается П. Бурдьё [29], Э. Гидденсом [30], И. Валлерстайном [31] и другими как многомерное: собственно социальное, экономическое, политическое, символическое и т. д. Особое внимание ему уделяется в связи с проблемами социологии политики, политической власти [32]. Есть основания поработать над модификацией этого понятия применительно к проблемам информационной эпохи.

Представим в широком смысле социальное, или социокультурное пространство как состоящее из двух групп компонентов: а) культурных - ценности, нормы, интересы, потребности индивидов и социальных групп; б) социальных - статусы и роли индивидов, социальные институты и их функции. Эта «ткань» социокультурного пространства и прежде была пронизана информационными потоками. Однако ныне эти потоки обогащаются компьютерными технологиями и их инфраструктурами, становятся компьютеризированными. Интенсивность компьютеризированных потоков информации нарастает по экспоненте. Это уже не прежняя ткань «информационной среды общества», а качественно новая, модернизированная социокультурная ткань - компьютеризированное социоинформационное пространство, или социоинформатизационное пространство.

Это не статичный, а постоянно меняющийся объект, непрерывный поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа. К такому движущемуся пространству применим процессуальный образ «поля»: динамичное и многомерное *социоинформационное поле* составляет, по-видимому, одну из важнейших компонент той альтернативной модели социальных изменений, поисками которой занята мировая социологическая мысль в конце нынешнего столетия и которую она предвосхищает в терминах «динамическое социальное поле» или «многомерное социокультурное поле» [6, с. 26-31].

Распространяясь, социоинформационное пространство-поле пронизывает все уровни социальной жизни: индивидуальный, групповой, социетальный, глобальный, - равно как и все ее сферы и процессы, а также все типы социальных явлений. Принципиально расширяется круг субъектов - производителей и потребителей информации; новейший прорыв в этом направлении демонстрируют возможности Интернет. Социокультурная жизнь все более приобретает глобальный характер (в масштабах всего человечества) и предстает как целостный эмерджентный процесс, а не как механическая последовательность дискретных феноменов. Впрочем, возможно и понимание ее как своего рода потока социоинформационных квантов, воплощающих единство некоторой структуры и движения.

Как это происходит? Какие при этом возникают практические эффекты? Поиск ответов на эти и другие вопросы открывает широкий круг новых направлений и задач исследований. Их решение будет способствовать развитию *homo activus*, завершению ранней либерализации российского общества, постепенному его переходу к зрелой либерализации, адекватной характеру информационной эпохи.

Литература

1. *Лапин Н.И.* Тотальное отчуждение и общий кризис раннего социализма // Вестник АН СССР. 1990. № 5.
2. *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
3. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.
4. *Заславская Т.И.* Трансформационный процесс в России // Социальная траектория реформируемой России / Отв. ред. Т.И. Заславская. Новосибирск, 1999.
5. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997.
6. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
7. *Ключевский В.О.* Курс русской истории: Сочинения: В 9 т. Т. 1. М, 1987.
8. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения // Антология мировой правовой мысли. Т. 4. Россия, XI-XIX вв. М, 1999.
9. *Фонотов А.Г.* Россия: От мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.
10. *Косыгин А.Н.* Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. М, 1965.
11. *Брежнев Л.И.* Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду КПСС. М., 1966.
12. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (ред.). Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994.
13. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. М., 1999. № 6.
14. *Князева Е.И., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: Диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12.
15. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. The Free Press. N.Y., L., 1973.
16. *Ядов В.А.* (ред.). Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.
17. *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988.
18. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (ред.). Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.
19. *Ортега-и-Гассет Х.* Новые симптомы // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
20. *Докторов Б.З.* Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3.
21. *Андреенкова А.В.* Материалистические / постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. № 11.
22. *Вишневский А.Г.* Демографическая модернизация России и ее противоречия // Мир России. 1999. № 4.
23. *Гордон Л.* Времена и сроки демократических перемен: тяжкая медлительность исторического движения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 5.
24. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
25. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
26. *Лапин Н.И., Попов К.Н.* Нововведения в инновационном потоке // Нововведения как фактор развития: Сб. трудов ВНИИСИ. (Вып. 16). М., 1987.

Кризисный социум...

---

27. *Лапин Н.И.* О предмете социальной информатики и ее приложениях // Системные исследования: Ежегодник. М, 1997.
28. *Сорокин П.* Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
29. *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993.
30. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.
31. *Wallerstein I.* Unthinking Social Science: the Limits of Nineteenth - Century Paradigms. Cambridge, 1991.
32. *Здравомыслов А.Г.* Рациональность и властные отношения // Вопросы социологии. 1996. № 6.